

НИКОЛАЙ КОРОСТЕЛЕВ

ГНЕВ НЕБА

Содержит
18+
нецензурную
лексику

Храм Юниси

Николай Коростелев

Гнев Неба

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Коростелев Н.

Гнев Неба / Н. Коростелев — «Эксмо», 2021 — (Храм Юнисы)

ISBN 978-5-04-159602-6

Действие происходит в начале XX века. Китай — лакомая территория для всех мировых держав того времени. Шпионские интриги, международные предательства, двойная и тройная игра без всяких правил — естественная среда европейской политики в этом регионе. Автор рассказывает увлекательную, наполненную трагическими событиями и героизмом историю России на Дальнем Востоке.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-159602-6

© Коростелев Н., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	36
Глава 12	41
Глава 13	44
Глава 14	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Николай Коростелев

Гнев Неба

© Николай Коростелев, текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Кайфын.

Вот уже месяц Вань ползал по подвалам башни Фаньта. Идея искать пластину Чёрного Дракона в стенах и подвале старой башни оказалась пустой.

– Отрицательный результат – тоже результат, – вздохнул старый археолог и стал собираться.

На выходе он вернул ключ от подвала смотрителю, вложил ему в руку серебряный юань и, тяжело вздыхая, направился к постоялому двору.

Впереди показалась небольшая, аккуратная пагода кумирни Духа Юнисы. Ещё по приезде Вань посетил её, но, узнав, что по археологическим меркам она «новодел», разочарованно вычеркнул из зоны поиска.

Он уже прошёл мимо, но что-то остановило его.

Зайти, что ли? Время есть, а новых идей – напротив. Может, они появятся в кумирне?

Сумрак пустого храма, окрашенные в красный цвет стены и потолочные балки, одинокое изваяние кумира и несколько курящихся палочек создавали ощущение мира и спокойствия. Суэта, чаяния, заботы остались за стенами – здесь время остановилось.

Вань оставил обувь у входа и благоговейно зашёл внутрь. Чисто, пусто, очень скромно. Впереди на помосте стоял накрытый жёлтой шёлковой материей алтарь. Над ним висело несколько настенных фресок с изображениями жертвоприношений, ворот в мир духов; был здесь и сам Юниса, протягивающий руки к фигурке человека, и другие мистические сцены из его бытия. На одной из них был изображён дракон, распластавшийся на стене.

– Видимо, так в представлении древних зодчих выглядел Лу Ван, – улыбнулся Вань, разглядывая довольно примитивное изображение покровителя Поднебесной, – хотя прорисовано талантливо.

Он подкурил ритуальные палочки и опустился на колени.

– Хоть бы одним глазком взглянуть на пластину Лу Вана, – вздохнул он. – Великий Дух Юниса, помоги Чёрному Дракону вернуться в мир людей! И не дай ему попасть в бесчестные руки...

Вань попытался сосредоточиться на поисках Лу Вана, но мыслей, где искать пластину, так и не появилось.

Он пробыл в кумирне ещё час, потом поднялся и тихо вышел.

Что делать дальше? Остаться и продолжить поиски здесь или ехать в Тяньцзинь? Наверное, всё-таки в Тяньцзинь. В Храм Одинокого Счастья ¹.

Он хоть и называется храмом, но это не одно строение, а целый храмовый комплекс, в нём есть постройки, датируемые седьмым веком. А в те времена принято было расписывать стены храмов фресками. Сегодня в кумирне Юнисы я видел несколько таких, а там ими расписаны огромные площади. Может, по тем фрескам я смогу понять, куда могли спрятать реликвию?

В Тяньцзине у него были и другие дела.

Вань являлся единственным наследником немалого состояния. После давно умерших родителей остались богатое поместье и немаленькая сумма в банке. Но он настолько увлёкся археологией, что в родительском гнезде практически не появлялся. И тогда хороший знакомый покойного отца упросил его пустить его сына пожить в пустующем поместье. Того недавно перевели в Тяньцзинь, и он ещё не обзавёлся жильём. Этого баловня судьбы Вань знал с детства

¹ Храм Одинокого Счастья – один из древнейших храмов Китая. Возведён в 618–907 гг. н. э., во время правления династии Тан. Он представляет собой комплекс храмовых построек, где расположен 23-метровый павильон богини милосердия Гуаньинь, внутри его находится 16-метровая фарфоровая статуя бодхисаттвы. См. также главу 32.

и не любил. Очень уж тот был мелочен, а главное, патологически жаден, но отказать старому другу отца не смог. Взамен ему обещали приглядывать за обширной и дорогой собственностью.

Альтруист Вань такому обещанию обрадовался. Ещё бы, решалось сразу несколько проблем, которыми ему не хотелось заниматься.

Первое – элементарный присмотр за помещьем, а для этих целей требовался надёжный и честный человек. А второе – его отец был увлечённым коллекционером. Он собирал фарфоровые вазы. Для обывателя они ничего не значили, а вот для отца Ваня они были страстью, не говоря уже о том, что некоторым экземплярам мог позавидовать любой музей мира.

Так вот, оставлять отцовскую коллекцию на невесть кого не хотелось, а арендатор, хоть и был неприятным типом, но присмотреть за ней обещал.

– Это лучше, чем ничего, – решил Вань и согласился.

После памятного случая с нападением хунхузов он остался жить у своего спасителя, офицера Императорского Русского географического общества Лопатина Иннокентия Ивановича, и в Тяньцзинь не приезжал. Несколько раз пытался связаться с арендатором, но письма оставались без ответа.

– Шутка ли, расстояние в полмира! – успокаивал себя Вань.

С тех пор минуло больше десяти лет, и вот сейчас появился шанс побывать в поместье родителей а возможно, и продать его. Деньги закончились, а жить за счёт Иннокентия Ивановича не хотелось.

– Решено, еду в Тяньцзинь.

Глава 2

Статский советник по вопросам Дальнего Востока, влиятельный член тайного общества «Священная дружина» Александр Михайлович Безобразов одиноко сидел в своём кабинете и напряжённо размышлял.

Два дня назад он возвратился из поездки по российскому Дальнему Востоку и только что закончил составление аналитической записки своему патрону, графу Воронцову-Дашкову, что фактически означало – самому Российскому императору Николаю Второму.

Записка по содержанию была настолько радикальной, что реакция императора могла оказаться непредсказуемой.

Одно то, что он предлагал организовать незамедлительную переброску войск в районы Читы, Благовещенска, Хабаровска, Уссурийска, Владивостока и Порт-Артура, могло поставить Российскую империю на порог войны.

Но этим его предложения не ограничивались. Под видом учебных манёвров он настаивал на отправке кораблей Тихоокеанской эскадры из Владивостока и Порт-Артура в Печелийский залив ². Но! Было одно большое «но».

Безобразов был уверен, все эти меры необходимы и безотлагательны только в том случае, если в Китае действительно вспыхнет восстание. А если нет? Если информация о массовых волнениях – умело сфабрикованная японской разведкой деза, а показания её резидента – хорошо подготовленная ловушка?

В этом случае переброска войск на границу Китая будет расценена европейскими странами как начало вторжения России в Китай. И вот тогда произойдёт настоящая катастрофа. Потеря КВЖД и Харбина покажется цветочками, а ягодками может стать утрата всех российских территорий на Дальнем Востоке, в том числе Владивостока, не говоря уже о Порт-Артуре и Дальнем.

Безобразов устало вздохнул и ещё раз перечитал стенограммы допросов японского резидента: «...активизация религиозных фанатиков – ихэтуаней в провинции Шаньдун...» А дальше подробно о том, что эта провинция уже несколько лет находится под протекторатом Германии, которая вложила в её развитие немалые деньги. Проложены сотни километров железных дорог и телеграфных линий, построены десятки промышленных предприятий. Для перевозки грузов по Великому каналу используются крупнотоннажные суда.

И всё это в ущерб сотням тысяч рядовых китайцев, которые из-за германской активности лишились работы.

Второй раздражитель – религия. Количество китайцев, принявших христианство, перевалило за сотню тысяч и продолжает расти. Это вызывает ярость языческих жрецов, вокруг которых крутится фанатично настроенная молодёжь, называющая себя «ихэтуанью». Эти вещают, что все беды Китая – кара Богов, а причина – иноземцы и их религия.

Третье – ненависть народа к маньчжурским правителям Китая. Среди бедного люда широко муссируются воспоминания о восстании тайпинов, при подавлении которого казнили тридцать миллионов человек.

– Умело действуют японцы, – вздохнул Безобразов. – Массовые казни – такое разве забудешь? А времени-то прошло – всего тридцать лет.

Даже одной из перечисленных причин достаточно, чтобы вызвать народное недовольство, что уже говорить, если их несколько и они умело подогреваются. Разведка микадо подкармливает ихэтуаней, а те раскачивают народ. Видимо, нашли кого-то из старых тайпинов и через них внедряют в крестьянские умы идеи «всеобщего равенства и братства».

² Печелийский залив расположен в северо-западной части Жёлтого моря; считался морскими воротами Северного Китая.

Да-а-а. Вероятность крупномасштабного восстания вполне реальна.

Теперь по японскому резиденту. Возможна подстава? Вряд ли. Взяли его грамотно. Он уже сдал агентуру, а это не один десяток человек. Все подтвердили подготовку беспорядков в Китае и Маньчжурии. Что у нас с поручиком, который выявил и захватил резидента?

Безобразов подвинул к себе личное дело.

Лопатин Андрей Иннокентьевич. Потомственный дворянин. С отличием окончил Первый Павловский кадетский корпус. Добровольно поступил на службу в ИРГО³. Назначен помощником начальника экспедиции, затем командиром полусотни казаков рейдового отряда. Отличился, награждён «золотым оружием». Захватил одного из руководителей опасной религиозной секты, за что отмечен благодарностью генерал-губернатора. Назначен командиром специального отряда казаков-пластунов. Сумел привлечь на свою сторону отряд бывших китайских военных и с их помощью наладил охрану особо важного участка КВЖД на китайской территории. Раскрыл и ликвидировал банду фальшивомонетчиков. Отправлено представление на Станислава третьей степени с мечами – награждение ещё не пришло.

Что дальше?

В составе китайского милицейского отряда участвовал в освобождении китайского города Кайчи, захваченного крупной бандой хунхузов, за что имеется личная благодарность губернатора провинции Хэйлунцзян. Направлено представление к ордену Святой Анны с мечами. И наконец, выявил и захватил резидента японской разведки, что способствовало раскрытию хорошо законспирированной сети японских агентов в Порт-Артуре и Владивостоке.

За это ему полагается не меньше Георгия третьей степени и соответственное повышение в чине. Да!... Герой!

Александр Михайлович вспомнил выражение лица японского резидента, когда во время допроса он распорядился пригласить поручика Лопатина.

Это был не допрос, а скорее беседа.

Японец, поняв, что перед ним находится высокий чиновник, от которого может зависеть его будущее, начал выторговывать для себя преференции. При этом делал загадочное лицо и приглушал голос, будто готовился сообщить нечто очень важное, почти интимное.

Раздался стук, и в допросную камеру вошёл поручик Лопатин. Японец, до этого вальяжно расположившийся на стуле, как увидел поручика – спал с лица.

До этого вкрадчиво доверительный, голос японца потух, и теперь Александр Михайлович видел перед собою не блестящего японского офицера, а насмерть перепуганного человека.

– Что случилось, Каваками-сан? – вежливо справился Безобразов.

– Ничего. Спрашивайте всё, что вас интересует, – глухо ответил японец.

Однако, подумал Александр Михайлович, нужно будет подробнее расспросить поручика, чем он напугал такого матёрого джапа.

Разговор с Лопатиным хорошо запомнился.

Александр Михайлович попросил его рассказать обо всём, что произошло с ним с момента прибытия на Дальний Восток.

Рассказ был хоть и обстоятельным, но сжатым, передавал лишь необходимую суть. В манере излагать события чувствовался немалый опыт воинского доклада вышестоящему начальству.

Я такому не один год учился.

Но особенно ему понравилось, что поручик не просто излагает факты, а делает выводы и анализирует возможные последствия тех или иных поступков. В том разговоре поручик пред-

³ ИРГО – общественная организация при попечительстве императора. Кроме научной деятельности занималась картографией и этнографией. Для выполнения работ для Главного штаба российской императорской армии в эту организацию откомандировывали действующих офицеров армии и флота. Например, Арсеньева, Пржевальского, Колчака.

ложил воспользоваться массовыми беспорядками в Северном Китае и провести акцию по уничтожению баз и военных армейских магазинов ⁴, организованных японцами на территории Кореи. А использовать для этого дружественный ему отряд китайских милиционеров.

Александр Михайлович давненько подумывал о чём-то похожем. Но не мог придумать, кого можно было привлечь к этому делу, чтобы полностью исключить российский след. А тут – на тебе! Решение, над которым он давно ломал голову, ему подносят на блюдечке. И главное, обвинить Россию в погроме японских армейских магазинов и складов будет не просто – всё спишется на мятежников.

Интересный вы экземпляр, батенька, закрывая папку с личным делом поручика, подумал Безобразов.

Итак, арест резидента, что это? Провокация японцев или такая редкая в последнее время удача? Внутренний голос подленько шептал: «Не спеши, пусть пройдёт пара месяцев, и всё встанет на свои места». В конце концов, ну что мне с этого Китая? Все дивиденды с него только «золотой министр» ⁵ со товарищи получают. Но совесть и чувство долга спорили: «А если всё окажется правдой, и в водовороте китайского бунта погибнут сотни, а то и тысячи русских людей? Как я буду жить с тем, что знал и не принял мер?»

– Решено! Еду к графу. Ну, что, поручик? Доверяюсь тебе. Ставлю с тобой на один кон и свою честь, и своё будущее...

⁴ Армейские магазины – так назывались армейские склады, организованные в непосредственной близости от места предстоящих боевых действий. Это десятки тонн снарядов, боеприпасов, топлива, продовольствия, фуража, амуниции и других видов армейского обеспечения. При подготовке большого наступления армейские магазины комплектовались не один месяц. В случае с Кореей магазины комплектовались скрытно, что требовало времени и немалых затрат на транспортировку, хранение и охрану.

⁵ Золотой министр – такое прозвище в кулуарах правящих кругов правительства Российской империи получил российский министр финансов Сергей Юльевич Витте.

Глава 3

– Езжайте к себе, голубчик Александр Михайлович, – выбираясь из кресла, проскрипел старый граф. – Сегодня же ознакомлюсь сам, а завтра доложу государю. Ждите.

Безобразов по-военному резко опустил голову, фиксируя подбородок на груди и, чётко развернувшись, вышел из кабинета «серого кардинала».

Хоть все служащие конторы графа имели гражданские чины, но многие из них в прошлом имели отношение к военной службе. А старый граф грешил тягой к армейской дисциплине и всякие военные «штучки» своих подчинённых одобрял. Те знали об этом и всячески подчёркивали свою принадлежность к военной касте, чем тешили самолюбие старика.

Прошли сутки.

Хуже нет, чем ждать и догонять! Почему граф молчит? Или ещё не успел доложить? Хотя нет, если принял бумаги и сказал, что доложит, значит, так и поступит. Старая закалка, обещал – сделает. Успокойся, всё нормально. На часах ещё десяти нет. Хотя государь – птица ранняя, наверняка уже принимает графа.

В дверь постучали, и на пороге показался подтянутый ротмистр.

– Ваше превосходительство, получена телеграмма из Дворца.

– Ну, наконец-то! – облегчённо выдохнул Безобразов. – Давайте сюда!

Телеграмма была лаконичной: «ВАШИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПРИНЯТЫ ТЧК ПОДРОБНЫМ ДОКЛАДОМ ЖДУ СЕГОДНЯ ЗПТ СЕМНАДЦАТЬ ЧАСОВ ТЧК НИКОЛАЙ ТЧК».

Полтора часа аудиенции пролетели, как десять минут.

Император Николай Второй, как обычно, был корректен и вежлив. По задаваемым им вопросам чувствовалось, что он не только внимательно ознакомился с содержанием докладной записки, но и получил от специалистов дополнительные консультации.

Экипаж неторопливо катил по Невскому, давая Александру Михайловичу возможность вспомнить яркие моменты встречи с императором.

– Командование сухопутной операцией поручается генералу Линевичу, в ближайшие дни он отбывает во Владивосток. В указанные вами населённые пункты направляются соединения барона Ренненкампа, генералов Сахарова и Штакельберга.

Вопросами флота займётся вице-адмирал Алексеев.

Вас прошу незамедлительно выехать во Владивосток и обеспечить координацию действий сухопутных войск и флота. Адмирала Алексеева вы знаете, а генерала Линевича о вас уведомят.

Документы, подтверждающие ваши полномочия, получите у Иллариона Ивановича, – кивнул император на сидящего тут же за столом графа Воронцова-Дашкова.

Граф прикрыл глаза, подтверждая услышанное распоряжение.

– На месте вам надлежит принять экстренные меры по охране КВЖД силами Уссурийского и Амурского казачьих войск. Усиление охраны Харбина в пределах согласованного с китайскими властями охранного контингента – разрешаю.

Удачи вам, Александр Михайлович, я верю в вас...

– Мосты сожжены! Теперь только вперёд! – перевёл дух Безобразов.

На следующий день во Владивосток ушла телеграмма, которая разделила жизнь и судьбу России, Китая, Маньчжурии, Кореи и Японии на «до» и «после».

Глава 4

Приезд Безобразова во Владивосток с ног на голову перевернул размеренную жизнь всего Дальнего Востока.

Теперь она кипела, как вода на костре. Отдавались десятки распоряжений и команд. Многочисленные вестовые увозили и доставляли спешные донесения.

Телеграф не умолкал ни днём, ни ночью. В Пекин, Мукден, Гирин и Цицикар ушли сообщения о готовящихся на их территориях беспорядках с просьбой принять меры по обеспечению безопасности подданных Российской короны и объектов КВЖД.

Из Хабаровска в Харбин выступили две сотни охранной стражи.

Флот начал подготовку к выходу части Тихоокеанской эскадры в Печелийский залив с формулировкой «для проведения совместных манёвров сухопутных сил и флота». В этих манёврах надлежало задействовать броненосцы «Россия», «Сисой Великий» и «Наварин» в сопровождении канонерских лодок «Кореец» ⁶, «Бобр» и «Гиляк». Командиры кораблей получили секретный приказ принять на борт четыре тысячи морских пехотинцев.

Совершенно другая ситуация складывалась в сухопутных войсках. Несмотря на своевременно полученные распоряжения, чудовищно неповоротливое, закостеневшее военное министерство приступило к переброске войск на Дальний Восток с таким трудом, будто ворочало огромный заржавевший механизм. Вдруг выяснилось, что для отправки войск не хватает подвижного состава, а забронированные под военные перевозки вагоны используются не по назначению. Более того, большая их часть занята на перевозках коммерческих грузов с оговоренными сроками поставок и крупными штрафными санкциями.

С остальными вообще творилась анархия.

В своё время стараниями военного министра Куропаткина в армии вместо боевой подготовки была развёрнута масштабная хозяйственная деятельность. В полках и батальонах появились сапожные мастерские, швальни ⁷, столярные и плотницкие артели. Результаты деятельности командиров подразделений оценивались по степени их успехов по «засолке капусты».

На этом фоне в войсках остро ощущался некомплект офицерского состава среднего и низшего звена, а высокие командные должности давались не с учётом способности и подготовки, а по знатности происхождения и протекции.

Командование полком и чин полковника обычный офицер мог получить только после сорока шести лет. Как результат – высший офицерский корпус сильно постарел. Средний возраст генералов составлял шестьдесят девять лет.

В таких условиях армия оказалась неспособной к быстрой переброске войск. Для того чтобы отправить на Дальний Восток всего несколько дивизий, ей требовалось не менее двух-трёх месяцев, что было равнозначно отправке войск морем.

Николай Второй был вне себя.

Всегда вежливый и корректный, самодержец готов был живьём съесть зажившего военного министра. Куропаткин, вечно обласкиваемый и холимый, сначала снисходительно сносил гнев Его Императорского Величества.

Но тот вдруг успокоился и сухо сказал, что если к 1 мая 1900 года на Дальнем Востоке не окажется двухсоттысячной российской военной группировки с полным тыловым обеспече-

⁶ Канонерская лодка «Кореец» – легендарная корабль, в 1904 году вместе с крейсером «Варяг» примет последний бой с 14 японскими кораблями у корейского города Чемульпо. Чтобы разбитая снарядами канонерка не досталась врагу, экипаж подорвал и затопил её.

⁷ Швальня – портняжная мастерская.

нием для действий в условиях военного времени, то заслуженный генерал лишится не только поста военного министра, но и выслуженного пенсионера.

Куропаткин моментально сделал стойку. Если бы император продолжал шуметь и топать ногами, то Алексей Николаевич не стал бы особо переживать.

Ну, пошумел. С кем не бывает? Император молод, либерален, сентиментален и отходчив. Сейчас повысил голос, а через час пришлёт извинения, такое уже не раз случалось. Но когда Николай Второй с повышенного тона перешёл на глухой спокойный голос, с которым произнёс грядущие для Куропаткина перспективы, то старый бездельник пятой точкой почувствовал, что над ним нависла реальная угроза опалы.

Опыт службы под началом генерала Скобелева не прошёл для Куропаткина даром. «Белый генерал»⁸ был крут и горяч. В момент гнева он не терпел никаких пререканий и оправданий. И мог, не чинясь, выгнать любого не только из штабной палатки, но и из армии. Тогда-то Алексей Николаевич и научился на лету считывать настроение начальства.

Из неплохого грамотного офицера, прошедшего горнило Крымской кампании, принимавшего участие в нескольких сражениях, видевшего минареты Стамбула в окуляр армейского дальномёра, награждённого рядом высоких наград, Куропаткин превратился в сметливого хитроватого царедворца с гибкой спиной и шустрым языком.

Почувствовав по отношению к себе неприязнь со стороны монаршей особы, он моментально сориентировался, изобразил прогиб и бросился «поднимать на уши» своё сонное царство. Надо отдать ему должное, что когда он хотел, то умел быть и требовательным, и настойчивым.

Будучи слабым полководцем, он обладал отменным чутьём и организаторским даром в вопросах снабжения, перемещения, обеспечения. Другими словами, Куропаткин был блестящим тылови́ком. Подчинённые военного министра давненько не замечали за ним такой активности, целеустремленности и прыти.

И «поезд тронулся».

Армейские колонны и оружейные расчёты потянулись на железнодорожные вокзалы. Закрутился маховик службы тыла и обеспечения. Сотни обозов с боеприпасами, продовольствием, снаряжением, упряжью и всем огромным хозяйством, которое всегда сопровождает армию, заполнили грузовые железнодорожные станции.

Через два месяца после памятного для Куропаткина разговора от причальной стенки в глубине Уссурийского залива отчалили два судна Добровольческого флота: «Россия» и «Петербург». Не привлекая внимания, без помпы, они приняли на борт два пехотных Сибирских полка, три десятка полевых орудий и, взяв курс на Порт-Артур, растворились на горизонте хмурого океана.

Александра Фёдоровна, любимая супруга царя, вступилась за попавшего в немилость военного министра, и «душка» Куропаткин был не только прощён, но и снова обласкан государем.

⁸ Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882) – русский военачальник и стратег, генерал от инфантерии; участник среднеазиатских завоеваний Российской империи и русско-турецкой войны 1877–1878 гг., освободитель Болгарии. Современники считали его равным великому русскому полководцу А.В. Суворову и называли «белым генералом» за любовь к белым мундирам и белым коням. Скобелев был отчаянно храбр и удачлив.

Глава 5

Когда Андрей привёз во Владивосток японского резидента, реакция генерал-губернатора Приамурья Гродекова была стремительной: в столицу ушла срочная депеша, в Порт-Артуре и Владивостоке прошли аресты.

Андрей предложил в этих операциях задействовать его казаков, но получил категорический отказ.

– Тебе и твоим людям скоро возвращаться в Китай, – покачал головой Ивантеев. – Аресты не всегда проходят тихо, иногда приходится пострелять. А я хочу, чтобы твои казаки, а особенно ты, лишний раз не светились. Помнишь, для чего создавался твой отряд? Вот-вот. У вас другие задачи. И вот ещё что. Сними особняк побольше, и всех своих переселяй туда. Не хочу, чтобы твои варились с другими казаками. Чем меньше информации уйдёт на сторону, тем лучше. Да и из соображений безопасности перестраховаться лишним не будет.

– Я думал, мы пополним запасы и обратно в крепость.

– С этим пока не спеши. Приказано тебя во Владивостоке придержать. Говорят, сам Безобразов к нам собирается. Не исключено, что захочет с тобой пообщаться. Так что ждём.

А что касается Китая? Думаю, весной, не раньше. Хунхуз сейчас притих, да и генерал Лю Даныцы пусть привыкает действовать без твоей подсказки. В любом случае, ждём гостей из столицы и, если я окажусь прав, отпустим твоих казаков по домам.

С того разговора прошло три месяца. Три месяца, как он сидит во Владивостоке практически без дела. Казаки разъехались по станицам, и Андрей остался в огромном особняке только с Санькой Волчком и мечником Вэем⁹.

Два китайских разведчика, присланные Ван Хэда для связи, жили в отдельном помещении наособицу. Андрей пару раз приглашал их на общую трапезу, но они вежливо, но твёрдо отказались и жили своим столом.

Сразу по приезде он побывал в мастерских Леонида¹⁰, но оказалось, что того отправили в длительную командировку в Порт-Артур.

Чтобы скоротать время, Андрей решил брать уроки фехтования у старого Вэя. Тот, хоть ещё не совсем оправился от ран, гонял Андрея как новобранца. Уже через месяц тренировок Андрей почувствовал в себе качественно другой уровень. Теперь он не планировал атаки, сабля делала всё сама.

Санька, как-то присевший посмотреть на тренировку, был тут же привлечён к учёбе. С тех пор от зари до зари махал деревянной палкой, отбиваясь то от Андрея, то от Вэя. Его руки, ноги и спина покрылись синяками от палок учителей, но приходилось терпеть. Он бы, может, и отказался, да кто бы его спрашивал?

Андрей посмеивался, глядя, как Волчок петухом насккивает на Вэя. Тот практически не двигался, а лишь переносил вес тела с одной ноги на другую, чуть поворачивал корпус или мягко уклонялся.

Когда Санька, теряя осторожность, бросался на него, молотя палкой со всей силушки, Вэй делал шаг в сторону и больно шлёпал ученика по ещё не битой сегодня филейной части. Не сразу, но скоро у Волчка стало получаться.

Особенно после того, как Вэй показал ему основные принципы ведения боя.

Китайцы на фехтование посматривали с интересом, но участия не принимали. И тогда Андрей стал подозревать, что Хэда прислал их не для связи, а для охраны.

⁹ Герой второй части трилогии «Воин Чёрного Дракона».

¹⁰ Герой второй части трилогии «Воин Чёрного Дракона».

Вэй с Санькой много времени проводили вместе, обучая друг друга языку. Со временем они сдружились, и язва Волчок скоро сам стал терпеть подначки от старого мечника. Он пыхтел, обижался:

– Научил на свою голову, – но быстро остывал и снова насакивал на Вэя.

При его напускной задиристости было заметно, что он боготворит старика и готов терпеть от него всё.

Чувства были взаимны. Несмотря на разницу в возрасте, Вэй нашёл в Саньке преданного друга и покрывал его частые отлучки, а отлучек хватало.

Целый день охотник упражнялся то с Андреем, то с Вэем, и казалось, что уже еле держится на ногах от усталости, но, стоило Андрею отлучиться, Волчок исчезал, а утром приходил с физиономией довольного, нагулявшегося кота. Андрей качал головой.

– Горбатого могила исправит.

Дни шли за днями. Пролетели ноябрь, декабрь, январь. Казалось, что зима позади, но наступил февраль...

Резкий порывистый ветер гнал снежную позёмку по занесённой снегом дороге. Редкие прохожие, опустив голову, старались быстрее проскочить открытые участки, прикрывая лицо от мокрого и колючего снега.

Сегодня, когда Андрей выходил от Ивантеева, термометр показывал минус восемнадцать, но с ветром, задувающим с моря, казалось, что на улице все двадцать пять. Что поделаешь – Владивосток.

Полозья экипажа мягко скрипели по снегу, оставляя за замороженным окном снежную канитель. Дорога пошла в гору, и стало слышно, как отфыркиваются от снега тянущие сани лошади. Послышался шум.

Что там случилось? – подумал он и, дохнув на стекло окна, протёр в изморози глазок.

Впереди горело двухэтажное здание. Рядом суетились пожарные, им помогал набежавший народ.

– Останови! – постучал Андрей в потолок фэтона.

Сани остановились.

Пожар уже набрал силу, с рёвом выбрасывая пламя из окон второго этажа. У горящего здания к молодой девушке жались человек двадцать детей в возрасте пяти-семи лет. Рядом угрюмо стояли взрослые погорельцы.

– Приют, – вздохнул ямщик.

Видимо, девушка выскочила второпях, поэтому не успела одеться и теперь зябко куталась в наброшенную чьей-то рукой шаль. Андрей подошёл к ней.

– Что случилось?

– Вот, – глотая слова, сквозь слёзы сказала она и кивнула на пожар и детей. – Куда я их теперь? Мы же частный приют. Не бедствовали, но жили скромно. А теперь как?

Андрей сбросил шубу и накинул её на плечи девушки.

– Главное – все целы.

– Не все, – мотнула она головой, – отец.

– Жив?

– Жив, – кивнула она, – увезли в больницу. Когда случился пожар, он бросился выводить на улицу детей и, наверно, надышался дымом.

– Ваш отец работал в приюте?

– Он его директор и попечитель. Что же теперь будет...

– Вот что. Забирайте своих погорельцев, и едем ко мне. Я снимаю просторный особняк, в нём хватит места для всех, – кивнул он на детей и взрослых.

Девушка с сожалением вернула шубу.

– Спасибо. Мы не можем принимать помощь от незнакомых людей.

– Извините, не представился. Поручик Лопатин Андрей Иннокентьевич.

– Дарья Илларионовна Полетаева, – выпрямившись, ответила она. – Благодарю, Андрей Иннокентьевич, но я не могу обременять вас такой обузой.

– У вас есть другой вариант?

Она поникла и отрицательно мотнула головой.

– Но... – вскинулась она.

– Никаких «но». Я уступлю вам особняк, сам переселюсь в гостиницу, а с хозяевами договорюсь.

– Но, пока отец не поправится, мы не сможем платить аренду.

– Пусть это вас не беспокоит. Я не стеснён в средствах и возьму эти расходы на себя. К тому же, учитывая обстоятельства, – Андрей кивнул на догорающее здание, – я намерен пожертвовать на приют необходимую на первое время сумму. Надеюсь, это не идёт вразрез с вашими принципами?

Она с тоской посмотрела на испуганных детей.

– Боюсь, что мой выбор невелик.

– Вот и хорошо, – улыбнулся Андрей, – а шубу накиньте, простудитесь. Любезный, – обратился он к кучеру, – организуй ещё четыре, а лучше пять экипажей. Всех погорельцев я забираю!

– Сей момент, барин! – засуетился возница и добавил: – Большой души человек.

Глава 6

После отъезда казаков по домам осталось много всякого «нужного хлама», без которого в длительных походах не обойтись. Чтобы не бросать имущество без присмотра, Андрей оставил на хозяйстве Волчка, передав ему в подчинение китайцев и быстро идущего на поправку Вэя. А сам, чтобы не смущать своим присутствием Дарью Илларионовну, перебрался в гостиницу.

Погорельцы быстро освоились. Шок и растерянность от пережитого прошли, и теперь по двору особняка стайками носились шустрые, бедовые озорники. На кухне гремела посудой приютская повариха, по коридорам важно шествовали воспитатели, в заботах обо всём летала Дарья Илларионовна. Она оценила его деликатность в вопросе переезда в гостиницу и записала в друзья.

Её кипучая и деятельная натура фонтанировала идеями и вскоре из огромного, угрюмого здания получился уютный, сверкающий огнями и жизненной энергией дом. Жизнь налаживалась.

Летели день за днем. Зима ослабила хватку, солнце натопило сосулек, украсив крыши домов ледяной сверкающей бахромой. Призывая весну, зачирикали воробьи. Приютские дети всё больше времени стали проводить в уличных забавах. Однажды в качестве жертвы своих игр они выбрали старого мечника. Хромой старик с уродливым шрамом на лице ассоциировался у них со страшным пиратом. Они гурьбой бегали за ним, прятались за углами построек, а потом забрасывали снежками и убегали кто куда, чтобы снова начинать свою охоту.

Вэй сначала сердито отгонял их, но это только раззадоривало малолетних сорванцов. Он понял – покоя ему не найти, и решил сменить тактику. Выждав, когда очередной раз они приготовятся к атаке, он бросился им навстречу и с боевым кличем стал забрасывать охапками снега. Малышня завизжала, но не убежала, как всегда, а стала дружно отбиваться от «пирата» снежками, но тут ему на помощь пришёл дядька Волчок, и снежная перестрелка превратилась в баталию. Все дружно хохотали и подняли такой шум, что на улицу выскочили только что приехавшие из больницы Андрей с Дашей.

– Наших бьют! – крикнул Андрей и, заняв сторону Вэя и Волчка, стал забрасывать сорванцов снежками.

– Ах так! – задорно крикнула девушка и вступилась за ватагу озорников.

Почувствовав поддержку, малышня пошла в атаку. Вэй сгрёб их в охапку и завалился в кучу собранного во дворе снега.

– Куча мала! – загалдела ребятня и бросилась в свалку.

– Всё! Сдаюсь! – поднял руки Вэй, выбираясь из снега. – Разбойники, – засмеялся он. – Пошли все ко мне! – позвал он ребятню, – будем трубку мира курить!

– Ура! – заликовали дети и потопали за стариком.

Когда Даша с Андреем заглянули к старому мечнику, то увидели его в окружении притихших озорников, которым он рассказывал сказку о добрых тайпинах и злых маньчжурах.

Решив не мешать, они тихо покинули берлогу старого Вэя и вышли на улицу, где прямо у дверей столкнулись с Леонидом Гобято.

– Вот ты где! – обрадовался изобретатель, – я уже где только не был. И в гостинице, и у Ивантеева, теперь здесь.

– Ты когда приехал? – стиснул друга Андрей.

– Вчера вечером. На ночь беспокоить не стал, а с утра гоняюсь за тобой по всему городу.

– Так уж и по всему, я почти целый день здесь. Правда, ездили с Дашей в больницу. Но это пару часов – максимум. О, извини, я вас не представил: Дарья Илларионовна Полетаева, дочь попечителя этого приюта; поручик Гобято Леонид Николаевич, мой друг, талантливый инженер и изобретатель.

– Можно просто Даша, – улыбнулась Дарья Илларионовна и протянула Леониду руку. – Андрей Иннокентьевич, что же вы держите своего друга на холоде? Зовите в дом, будем пить чай, – и, грациозно развернувшись, направилась к хозяйскому особняку.

За столом Леонида было не узнать. Всегда сдержанный и немногословный, он целый вечер сыпал шутками и рассказывал забавные истории. Даша слушала его, тепло улыбалась и подливала чай. Когда она нечаянно коснулась его руки, он покраснел, смутился и чуть не опрокинул чашку.

Крепко вас зацепило батенька, радуясь за друга, подумал Андрей. А что, хорошая получилась бы пара...

– А ты знаешь, кого я сегодня видел? – прервал его размышления Леонид.

– Кого?

– Марину.

– Она что, в городе?

– Уже месяц. Вернулась сразу после развода. А ты не знал?

– Что же ты сразу не сказал? – Андрей отложил салфетку. – Извините, Дарья Илларионовна, Леонид, я должен срочно покинуть вас.

– Андрей, стой! – попытался остановить его Леонид. – Дарья Илларионовна, как же так?

– Успокойтесь, Леонид Николаевич, если наш Андрей Иннокентьевич что решил – его не остановить. Надеюсь, вы никуда не спешите?

– Что вы, Дарья Илларионовна, как можно?

– Тогда будем пить чай, а вы мне расскажите о Марине, из-за которой мы только что потеряли господина Лопатина.

Через час Андрей стоял у дверей квартиры Марины.

Пронзительно затрещал звонок, оповещая хозяйку о гостях.

– Минуту, – слышался голос за дверью. – Ты?

Все заготовленные слова вылетели из его головы.

– Я. Пустишь?

– Входи.

Он переступил порог и огляделся: всё было по-прежнему. Та же обстановка, те же портьеры, даже абажур над столом в столовой.

– Это – тебе, – спохватился он, передавая букет цветов.

– Розы? Не забыл мои любимые цветы?

– Не забыл.

Она хотела ещё что-то сказать, но он решительно шагнул вперёд и закрыл её рот поцелуем.

Она уронила букет, встала на цыпочки и обхватила его шею руками. В этом поцелуе были и страсть, и раскаяние, и ответы на все незаданные, да уже и ненужные вопросы.

Он подхватил её на руки и понёс в спальню.

Она пыталась что-то сказать.

– Потом, всё потом, – шептал он, горячо целуя её и освобождая от непослушного платья.

Вслед полетели его сабля, мундир и рубаха.

– Чулки.

Она потянулась к поясу.

Гора пышных подушек, освобождая место, разлетелась по комнате.

Его нетерпеливая ладонь прошла по её смуглой груди с предательски набухшими сосками. Ненасытные губы, поочерёдно целуя, накрыли их. Она откинула голову и тихо застонала. А его рука уже устремилась вниз. Туда, где, пылая огнем и истекая соком, нетерпеливо томилось её сокровище. Ладонь накрыла черный мысок вьющихся волос, пальцы нырнули внутрь. Она вздрогнула и подалась навстречу. Горячая волна ударила в голову и покатилась через

грудь, по животу, ниже, пока не коснулась набухшего от возбуждения лона. Она томно застонала и потянула его к себе.

– Иди ко мне...

Окружающий мир потерял для них значение, остались только он и она. Подчиняясь великому первобытному чувству, накрывшему их с головой, они растворились друг в друге, став единым, стонущим, кричащим, рычащим целым. Одновременный взрыв эмоций и общий стон стали кульминацией.

Ещё несколько минут они лежали среди смятых простыней, не в силах произнести хоть слово. Он провёл рукой по её бедру, спине, остановился возле лопаток и потянулся к её плечу губами. Она прижалась к нему и затихла.

– Я ждала тебя, а ты все не шёл.

– Я тоже скучал, – тихо ответил он и прижал её к себе.

На масленицу он уговорил её ехать кататься. В двух километрах от моря, в распадке, местный купец затеял масленичные гуляния: залили горки, поставили столбы с призами и соорудили чучело Зимы.

День выдался солнечным и морозным. На всём обозримом пространстве толкался народ, рвали меха тальянки, пели песни и водили хороводы румяные молодницы и удалые молодцы. С ледяных горок под громкий хохот скатывались поезда саней с гроздьями смеющейся молодёжи, и всюду продавали блины: блины с маслом, блины со сметаной, блины с мёдом и вареньем, блины, блины, блины... Тут же торговали петушками на палочке, наливали сбитень и горячий чай, а любителям – и что покрепче. Всё гудело весельем.

Они выбрались из саней и окунулись в водоворот народного гулянья. Выпили по кружке горячего сбитня, съели по блину с мёдом и угодили под снежное сражение, устроенное десятилетней мелочью. Холодный снежок попал Андрею в лицо – он рассмеялся, слепил такой же и включился в баталию.

Марина храбро бросилась ему на помощь, но коварные мальчишки закидали их снежками и, радостно празднуя победу, унеслись искать новую жертву.

– Варнаки, – ухмыльнулся Андрей, отряхивая от снега разгорячённую потешным сражением спутницу.

Хулигански улыбнувшись, он, как бы невзначай, сунул ей за шиворот щепоть снега. Она взвизгнула, вlepила снежок в его довольную физиономию и бросилась наутёк.

– Ах, ты ж! – вытер лицо Андрей и бросился за обидчицей.

Она радостно хохотала и отбивалась.

Потом они катались с горки и участвовали в массовом хороводе вокруг чучела Зимы. День пролетел весело и незаметно. Собрались возвращаться.

Когда уселись в сани, она взяла его под руку и прижалась к плечу.

– Боже, как хорошо.

– Не замёрзла? – участливо спросил он.

– Нет.

– А почему щёки белые? Давай-ка потрём их варежкой.

Она подставила ему примороженные щёки и закрыла глаза. Он не удержался и поцеловал её. Сначала в щеку, потом в носик, потом в покрытые инеем ресницы, потом в тёплые, сладкие от мёда губы...

– Что ты делаешь? – прошептала она.

– Отогреваю тебя. А что, не нужно?

– Ещё как нужно.

И, обхватив его за шею, прильнула губами к губам...

Глава 7

В дверь гостиничного номера постучали.

– Входите, – крикнул Андрей, вынимая пистолет.

На пороге нарисовался портье.

– Господин поручик, на ваше имя пришла срочная телеграмма.

– Мне? Срочная? От кого?

– Не могу знать, ваше благородие.

– Сейчас спущусь.

Андрей закрыл за собой дверь и потянулся за мундиром.

Гостиница «Европейская» считалась «с претензией», поэтому поощряла такие новшества, как собственный телеграфный аппарат.

Андрей спустился на первый этаж и прошёл за услужливым портье в специально оборудованную комнату.

– Поручик Лопатин, – представился он телеграфисту.

– Один момент, господин офицер, – солидно кивнул телеграфист и достал папку с корреспонденцией, – извольте.

Андрей развернул телеграфную ленту.

«ЛЮ РАНЕН ЗПТ СРОЧНО ПРИЕЗЖАЙ НУНГАТУ ЗПТ ПОДРОБНОСТИ НА МЕСТЕ ТЧК ХЭДА ТЧК».

Андрей повертел ленту в руках. Гонца с посланием о благополучном прибытии во Владивосток он отправил три месяца назад. При этом сообщил, что ему придётся задержаться во Владивостоке на неопределённый срок. Отряду его казаков, по его же просьбе, предоставили месячный отпуск, и они разъехались по станицам. С ним остался только Санька Волчок и два китайских разведчика. Вероятность того, что мастер может связаться с ним посредством телеграммы, не оговаривалась. Но Хэда – дядька непредсказуемый, и с учётом беды, которая случилась с генералом, вполне мог воспользоваться телеграфом как экстренным способом связи.

Что делать? Ехать к Ивантееву! Одна голова хорошо, а две лучше.

– Какая Нунгата, Андрей! Это же другое государство! Как ты туда поедешь?

– Как русский купец, – предложил Андрей, – легенду ты мне придумаешь.

– Да кто тебя отпустит?

– Но ситуация-то критическая!

– Кто знает, что там случилось?

– Хэда бы зря телеграмму присылать не стал.

– Да, Лекарь – дядька серьёзный. А вдруг это засада?

– У тебя паранойя.

– Хорошо, допустим, полковника Смирнова я уговорю, а что делать с Гродековым?

– А если на кону стоит вся наша затея с отрядом Лю Даньцзы? – вопросом на вопрос ответил Андрей.

– Были бы на месте твои казаки – ещё куда ни шло! А так... – сбавил обороты Ивантеев. – Ну с кем ты поедешь?

– Возьму Волчка и тех двух китайцев, что мне дал Хэда.

– Не нравится мне всё это, – скривился Ивантеев.

– Тут ходу три-четыре дня в одну сторону, – продолжал давить Андрей.

– Не уговаривай!

– Ты предлагаешь сидеть сложа руки?

– Ничего я не предлагаю, – огрызнулся Ивантеев.

– И я про то, – кивнул Андрей, – а должен предложить.

– Откуда ты взялся на мою голову! – тяжело вздохнул Ивантеев. – Сиди в номере, а я поехал к начальству.

В Нунгату решили ехать через Уссурийск. До него добраться поездом, взять в казармах тройку лошадей, а дальше ехать по зимнику на сани. Вечером уже сидели в поезде, а с утра пораньше выехали в Нунгату.

Утро выдалось морозное. Скрипел под копытами снег. Слева за покрытыми белым лесом холмами расплывался дымкой розово-красный рассвет. Сани весело катились по накатанной колее. Она то петляла меж лесистых холмов, то шла берегом реки. Справа и слева мелькали сосны, покрытые шапками сверкающего снега. Между их заиндевелыми стволами разбегались многочисленные следы птиц и зайцев.

Андрей накрыл ноги медвежьей шкурой и наслаждался природой. Лошади повернули к реке и весело понеслись по накатанному руслу, поднимая за собой снежную пыль.

Под шутки и весёлые разговоры пересекли границу с Китаем. Позади осталась большая часть пути. Решили сделать остановку на придорожном постоялом дворе, а уже с утра пораньше двигаться дальше.

Это был большой дом с просторным двором и конюшней. И хоть на китайский манер он и назывался фанзой, выглядел вполне достойно и имел не только вместительный обеденный зал, но и приличные гостевые комнаты.

Поручив хозяевам разбираться с лошадьми, гости шумно ввалились в жарко натопленное помещение и, сбросив тулупы, уселись за длинный стол.

Хозяин выставил запотевшую бутыл «разговорной воды», широкую миску квашеной капусты с брусникой и чашку груздей с лучком и сметанкой.

С мороза и дня пути в сани ханша ¹¹, настоящая на живице, показалась бальзамом. Выпили по стопке и закусили груздочком. Хорошо!

Пока тушилось мясо, приняли ещё по соточке. Тепло волной покатило от головы по груди к ногам, согревая промёрзших путешественников. После этого фанза показалась райским уголком.

Ужин прошёл за занятой болтовнёй, но усталость взяла своё – пора спать.

Хозяин предложил две комнаты на втором этаже, но Андрей хмельно мотнул головой:

– Нет, мы все в одной.

Когда в комнате гостей все стихло, хозяин взял фонарь и вышел за ворота. Из недалёкого леса мигнул и погас ответный огонёк. Через несколько минут из темноты появился конный отряд из десяти хунхузов.

– Погаси свет, Чен, – буркнул один из приехавших, – эти здесь?

– На втором этаже.

– Веди! – И, обернувшись к подельникам, бросил: – Пятеро здесь, остальные со мной!

Стараясь не скрипеть половицами, бандиты поднялись на второй этаж.

Один сунул лезвие ножа в дверную щель, поддел крючок и осторожно надавил. Дверь, чуть скрипнув, приоткрылась. Готово. Бесшумные тени скользнули внутрь. Стоявший позади хозяин фанзы, желая угодить хунхузам, поднял лампу повыше и...

Темноту разорвал грохот выстрелов. Сгрудившихся в дверном проёме бандитов отбросило назад. Огонь в упор из трёх маузеров и двух парабеллумов – не шутка.

– Санька! Страхуй из окна! Остальные за мной! – крикнул Андрей и рванул вниз.

Он был уже у входных дверей фанзы, когда из окна второго этажа ударил Санькин карабин. Оставшиеся во дворе бандиты оказались опытными волчарами. Среагировав на выстрелы Волчка, они грамотно заняли позиции и открыли ответный огонь. Окно брызнуло остатками

¹¹ Ханша – дешёвая водка. Обычно перегонялась из гаоляна.

стекла. Андрей был уверен, что бандиты пасут дверь, поэтому не бросился в неё напролом. Он и китайцы Хэда встали по сторонам дверного проёма.

– Давай! – скомандовал Андрей.

Дверь резко распахнулась, и по бандитам ударили выстрелы двух маузеров. Воспользовавшись секундной заминкой хунхузов, Андрей рыбкой нырнул на улицу и ушёл перекатом вправо. Надёжные пистолеты легли в ладони, пальцы нажали курки. Десять ударов сердца, и с бандой было покончено...

Ещё во время ужина Андрей обратил внимание на чрезмерную суетливость хозяина, поэтому приказал китайцам Хэда и Саньке притормозить с выпивкой. Поддерживая друг друга и пьяно икая, они поднялись в отведённую комнату. Когда дверь за хозяином закрылась, заняли позиции и затихли. Волчок стоял у окна и следил за двором. Он видел, как хозяин фанзы выходил за ворота и, размахивая фонарём, подавал кому-то сигналы.

Андрей задумчиво смотрел на остывающие трупы бандитов.

– Странное нападение. О том, что мы едем в Нунгату, знали только те, кто со мной, и Ивантеев. От Сергея Вячеславовича утечка исключена. В казармах о цели нашего пути не знали. Тогда что это? Примитивный грабёж? Хозяин с местными хунхузами трясут проезжих купчишек, а на нас нарвались случайно? Хотя почему случайно? Груза у нас с собой нет, одеты хорошо, едем в направлении Нунгаты – можно предположить, что за товаром. Видимо, наводчик подумал, что мы при деньгах, вот и решился. В любом случае, нужно ждать утра. Санька, ты нас завтра везёшь, ложись спать, а мы втроём делим ночь на двухчасовые вахты. Первые два часа – мои.

Глава 8

Утро встретило путешественников ярким солнцем и голубым, высоким, почти прозрачным небом. И лишь у самого горизонта копилась чёрная туча. Следы ночного побоища уже убрали и присыпали песком. Тела бандитов и хозяина фанзы унесли. Только красные глаза хозяйки и хмурые лица прислуги говорили о ночной трагедии. В такой обстановке завтракать не хотелось, поэтому решили не задерживаться.

До Нунгаты оставалось чуть больше тридцати вёрст. Тронулись. И снова замелькали покрытые сверкающим снегом деревья, поскрипывая, шелестели полозья, мельтешил хвост бегущей впереди лошади. Андрей запахнул тулуп и задремал.

Далеко на горизонте появилась тёмная туча и стала быстро нагонять их.

– Похоже, буран догоняет, – крикнул Андрею Санька и погнал лошадей.

– Может, мимо проскочит?

– Может!

Дорога вильнула и спустилась на реку. С двух сторон к берегам подступали высокие, поросшие густым лесом холмы. С вершины одного из них, петляя в чащобе, спускалась протоптанная лошадьми тропа. Она огибала чащу и выскакивала у самой излучины.

В конце тропинки копошился десяток конных хунхузов. Дозорный с холма махнул рукой.

– Едут! Четверо!

Бандиты потянулись за карабинами. Главарь коротко бросил:

– Отставить! Брать живыми!

Лошади неслись галопом, поднимая за санями снежный вихрь.

– Небо, ваш бродь...

Андрей оглянулся. Тёмно-синяя, почти чёрная туча настигала их. Здесь, на реке, ещё было тихо, но на холмах уже выл, кружил ветер, сметал с кустов снег и гнул тонкие вершины деревьев. Надвигалась снежная буря.

И тут из прибрежных кустов выскочили вооружённые всадники. Взметая копытами снег, они помчались наперерез саням.

– Ваш бродь, стреляйте! – крикнул Волчок, нахлёстывая лошадей.

– Нет, Санька! Их всего десять, а я хочу понять, что это за охота такая. Сначала на фанзе, теперь здесь... Гони! Пусть втянутся в погоню! Вон развилка! Давай к лесу!

Кони вихрем взметнулись на пологий холм. А там творилось нечто.

Ветер выл и буранил, взметая и кружа тучи снега, швыряя в лицо холодные иглы.

Санька выругался:

– Ни хрена не видно! Погоня не отстала?

– Нет, – стараясь перекрычать рёв ветра, отозвался Андрей, – сзади кони ржут, значит – не отстают!

– Погодка, как по заказу! Хунхузам по нам в такой буран стрелять – только патроны переводить! Главное, чтобы не отстали, – отозвался Волчок.

Показался лес.

– Давай туда! – приказал Андрей.

Заскочили под деревья, остановились. Сани развернули поперёк тропы.

– Здесь потише, – крикнул Андрей, – доставайте карабины!

С реки донеслось лошадиное ржание.

– Лишь бы не потеряли след, – сказал Андрей, отогревая дыханием замёрзшие руки.

– Не потеряют. Я специально на повороте коней придержал, там не колея, а целая дорога должна остаться. Нужно очень постараться, чтобы её не заметить.

– Тогда порядок, – отозвался Андрей, прикладываясь к карабину.

– Ну, милости просим, – почему-то шёпотом проговорил Санька и поднял ствол. Китайские охранники разошлись по сторонам и грамотно заняли позиции.

Всадники метнулись к саням разом. Разгорячённые скачкой и ослеплённые снежной бурей кони вынесли их прямо под выстрелы. Дружный стук карабинов разорвал воздух, и кони преследователей, потеряв седоков, заметались.

– Все? – спросил Санька.

– Сейчас посчитаем, – отозвался Андрей, – должно быть десять.

– Тогда все, – пересчитал тела Волчок. – О! Один шевелится. Добить?

– Я тебе добыю! Пробегись по остальным, собери оружие. Будь осторожней, вдруг кто мёртвым прикинулся.

– Буду, – буркнул Волчок и побежал собирать оружие.

Тем временем Андрей присел возле придавленного лошадьёю подранка. Тот сломал ногу, а убитая лошадь придавила её. Было видно, что это приносит раненому невероятные страдания.

– Помочь? – участливо спросил Андрей. Хунхуз недоверчиво посмотрел на него. – Помогу. Слово офицера. Расскажешь, почему вы напали на нас?

– Расскажу, – без рисовки ответил раненый. – Нам заказали захватить или убить офицера. За живого обещали заплатить вдвое. Если бы я не пожадничал, то кончили бы вас ещё на реке.

– Так ты среди них, – Андрей кивнул на трупы хунхузов, – был главным?

– Был.

– На фанзу приезжали тоже твои люди?

– Мои. Тут до Нунгаты всего две дороги: либо через фанзу, либо по реке. Мы вас ждали и там, и там.

– А откуда знали, что я поеду?

– Нам сказали, что тебе выслали телеграмму и ты обязательно направишься в Нунгату.

– А если бы нас было не четверо, а больше, например взвод?

– Застрели ли бы тебя с расстояния. Все мои бойцы из бывших военных, да и карабины нам дали знатные.

– Германские? – уже догадываясь о заказчике покушения, предположил Андрей.

– Да, новые, армейские.

– Кто заказчик?

– Кохината.

– Вы что, из его банды?

– Мы состоим в братстве вольного отряда Кохинаты – Белого Дракона.

– Ой, как нескромно. Надо же – целый Белый Дракон.

– Это не он. Местные жители так прозвали, в благодарность за защиту и заботу.

– Ну да. В одном месте граблю, в другом подкармливаю. Знакомая тема, – усмехнулся Андрей. – А кто отправил мне телеграмму?

– Этого я не знаю, но меня заверили, что ты обязательно отреагируешь.

– Хозяин фанзы – твой человек?

– Нет, Кохинаты.

– Так я правильно понял? Телеграмма – только повод выманить меня из города?

– Правильно.

– Ну и слава богу, значит, с Лю всё в порядке. Ладно, – поднялся на ноги Андрей, – я узнал всё, что хотел. Потерпи, сейчас вытащим тебя.

– Что? Правда, отпустишь?

– Я же дал слово офицера, – пожал плечами Андрей.

Подошли Волчок и китайцы, общими усилиями освободили раненого.

– Санька, перевяжи его. А вы, – обратился он к охранникам, – соберите лошадей и укройте их под деревьями. Буран переждём, потом будем думать, как выбираться.

Ночью раненому стало плохо. Видимо, кроме сломанной ноги, он повредил ещё что-то. Волчок провозился с ним всю ночь, но утром хунхузу стало хуже.

Буран, не желая отпускать пленников, продолжал кружить и завывать. Нога раненого опухла и посинела.

Не жалец, понял Андрей. Он подошёл к костру, где Волчок вскипятил котелок.

– Как он? – спросил Санька.

Андрей молча покачал головой.

К вечеру раненый испустил дух.

Буран держался до утра и вдруг стих. Тучи разбежались, и тут же жизнерадостное солнце заиграло, засверкало на всём обозримом пространстве.

Обратный путь оказался тяжёлым. Снег был настолько глубоким и пушистым, что кони проваливались в нём по грудь. Сани пришлось бросить, а всех лошадей, и своих, и хунхузских, связать в караван. Теперь они поочерёдно торили тропу. Река делала поворот, и Андрей, чтобы срезать путь, повёл отряд через протоку. Здесь снега было меньше, но люди и лошади настолько выбились из сил, что пришлось делать привал.

Соорудили костёр, Волчок занялся готовкой ужина, а Андрей и охранники пошли за дровами. Видимо, буран прошёл стороной и не зацепил эти места, поэтому снега в протоке намело не так много. Это радовало, и Андрей решил пройти дальше.

Буквально в ста метрах от стоянки обнаружилась развилка. Широкая протока шла прямо, а отворот оказался узким и каменистым. Андрей хотел пройти по нему, но нагромождение крупных валунов охладило пыл. Он вытащил из бурелома сухую валежину и потащил её к костру.

Сели ужинать. Похлебав шулюма¹², он достал карту и решил определиться на местности. Каково же было его удивление, когда он обнаружил, что находится на каменном ручье, о котором ему рассказывал отец.

Если это та самая река, то она тянется вниз на полтора километра, понял он. Только экспедиция отца вышла на неё с другой стороны, а пещера, которую он на карте обозначил крестиком, находится от этой стоянки всего в полукилометре.

Это провидение, решил Андрей. Даём лошадям суточный отдых, а я поищу пещеру.

На следующий день он оставил китайцев и Волчка на хозяйстве, а сам вернулся к ручью. Валуны были настолько огромные и скользкие, что приходилось буквально переползать с одного на другой.

Если бы я хотел оторваться от погони, то хуже места придумать нельзя, подумал он, хотя бы потому, что здесь особо не побегаешь, зато обороняться – милое дело.

Пещера отыскалась на удивление быстро. Быстро, потому что он знал, что и где искать. А так прошёл бы мимо и не обратил внимания.

Вход в пещеру находился на почти двухметровой высоте, и, чтобы залезть внутрь, пришлось немало попотеть. Внутри пространство оказалось хоть и невысоким, но достаточно просторным и тянулось далеко в глубь. Андрей зажёл один из приготовленных факелов и двинулся вдоль стены. Неровное пламя высветило следы пребывания большого количества людей. Тряпки, пустые консервные банки, россыпь старых, изрядно проржавевших патронов, следы кострищ, рядом железные треноги и несколько медных, сорокавёдерных котлов.

Нашёл, понял Андрей.

Через десяток метров обнаружились и останки... В этом месте пещера расширялась, образуя замкнутый, не очень высокий грот.

¹² Шулюм – похлёбка из конины.

Видимо, вода настолько быстро затопила пещеру, что никто не успел или не смог выплыть, подумал он. Возможно, пытались, но скорость и сила течения была такова, что все, кто на это решился, погибли.

Он насчитал останки трёх сотен человек.

Лаубе¹³ говорил, что золотиносов должно быть не меньше двухсот пятидесяти человек. Не ошибся.

Золото лежало здесь же. Триста кожаных мешков. Андрей поднял один и взвесил на руке. Килограммов двадцать – двадцать пять, не меньше.

Он развязал горловину – внутри был ещё один мешок.

Надежно паковали.

Внутри второго мешка оказался золотой песок.

– Ну, здравствуй, золото Аскольда. Вот только что мне с тобой делать? Оставить здесь, а забрать, когда вернутся казаки? Но это через месяц. А лёд на реке уже трещит. Ждать лета? А вдруг его кто-нибудь случайно найдёт? Обидно, только найти и потерять. Но даже если предположить, что всё получилось и я доставил золото во Владивосток, – что дальше? Сдать государству или передать Ван Хэда на содержание отряда Лю Даныцзы? Если государству, то как его доставить до Владивостока и сохранить тайну его появления? Стоит этому золоту появиться в таможне, а именно туда мне его придется сдать, то об этом станет известно каждому, даже самому ленивому хунхузу. А становится объектом охоты для бандитов всей Маньчжурии совсем не хочется. В то же время Гродеков прямо сказал, что отряд Лю Даныцзы должен сам зарабатывать себе на содержание. Его понять можно. Финансирование иностранного отряда на сопредельной территории – не его компетенция. Да и золото – не его епархия. Стоит драгметаллу появиться в таможне, на него сразу наложит лапу министерство финансов. Нет. Пусть клад вывозит Хэда. Доставить его отсюда хоть в Гирин, хоть в Кайчи ему ничего не стоит. А с учётом того, что его страховая контора набрала обороты, проблем с легализацией даже такого количества драгметалла не будет. Тогда и с утечкой информации вопрос решается. Саньке скажу, чтобы держал рот на замке, а с китайцами мастер сам разберётся. Решено, отправляю за Хэда.

В лагерь он вернулся через два часа. Ещё через час китайские охранники ускакали к Ван Хэда.

В записке, которую Андрей передал мастеру, было написано: «Срочно! Нужна помощь! Жду тебя лично! Захвати взвод молчаливых, лично преданных тебе бойцов и обоз из шести саней. Ан Ди».

Когда охранники скрылись из виду, Андрей с Санькой стали готовиться к обороне – бережного Бог бережёт!

Через четыре дня на взмыленных лошадях прибыл мастер.

– Что случилось?

– Пойдём, покажу...

Илларион Иванович Полетаев был немало удивлён посещением солидного господина, представившегося присяжным поверенным некоего лица, пожелавшего сохранить своё имя в тайне. Юрист передал ему запечатанный конверт и тактично замолчал, предоставив Иллариону Ивановичу ознакомиться с содержанием письма.

Господин Полетаев, уважаю и разделяю Ваш интерес к воспитанию детей, попавших в сложные жизненные обстоятельства. Хочу принять в этом посильное участие. На Ваш банковский счёт перечислена сумма, достаточная для содержания приюта в течение года. Если число воспитанников возрастет, сумма увеличится. Каждый год в этот день на Ваш счёт будет посту-

¹³ Лаубе – исторический персонаж, герой первой и второй частей трилогии.

пать аналогичная сумма. Платежи будут осуществляться столько времени, сколько просуществует приют. Кроме этого, как только Вы выпишетесь из больницы, присяжный поверенный, вручивший это письмо, оформит на Ваше имя купчую на передачу Вам в собственность особняка, в котором сейчас располагается приют. Желаю Вам удачи и скорейшего выздоровления. С уважением, Доброжелатель.

В конце мая Андрей получил приказ: начать операцию «Жасмин». Немногие посвященные знали, что за названием красивого цветка кроется рейд отряда Лю Даныцзы по японским базам снабжения в Корее.

В противостоянии России и Японии наступал новый этап...

Глава 9

Узкая, кроваво-багряная полоска света скользнула по вершинам скал, отделяя их от светлеющего, но ещё тёмно-синего, почти фиолетового неба. С каждым мигмом она становилась светлее, окрашивая горизонт в невероятные, фантастические цвета. Багрянец перетекал в малиново-оранжевый, тот в нежно-золотистый, становясь почти прозрачным, бледно-сиреневым.

На фоне этой величественной игры света, в самом центре горизонта появилась небольшая яркая точка. С каждым мгновением она увеличивалась, пока не превратилась в величественно сверкающий диск солнца. Щедро расплескав лучи, оно словно живописец, раскрасило окружающий мир невероятными, небесными красками, наполняя его яркими цветами и полупрозрачными полутенями, даря всему вокруг ощущение чистоты, свободы и единения с природой. С высоты перевала открывалась грандиозная панорама раскинувшейся у ног безбрежной зелёной дали, заросших лесом гор, распадков и лощин, с многочисленными речками, ручьями и водопадами.

– Вот она такая, Корея, – восхищённо вздохнул Андрей и тронул коленями коня. Тот тряхнул гривой и послушно двинулся догонять ушедшую вперёд колонну.

– Чего так долго? – обернулся к нему Лю Даныцзы.

– Рассветом любовался.

– А-а-а-а. А я думал, увидел что...

– Нет, всё в порядке. По карте в этих местах километров на сорок – ни души. Разве только охотники. Места-то знатные.

– Да, зверь здесь непуганный, – согласился генерал.

– Разведчики доложили, что видели следы тигра, – предупредил Андрей.

– Тигр – зверь осторожный. Близко к колонне не подойдёт, – отмахнулся генерал, – хотя... Предупредить бойцов нужно, чтобы по нужде без оружия и по одному не отлучались.

– Уже сказал, – кивнул Андрей.

– Тогда порядок.

Замолчали.

– Сколько нам до первой японской базы? – нарушил молчание Андрей.

Лю Даныцзы поглядел на часы.

– Часа четыре, пять. Скоро станет светлее, тогда можно будет ускориться.

– Добро.

Первыми под удар попали самые дальние от побережья японские склады. Всё шло по одному чётко распланированному сценарию. Разведчики обрывали проводную связь, тихо снимали часовых, затем вырезали роту охраны и всех, кто случайно или по делам службы оказывался на территории складов. Сапёры раскладывали фугасы и, замкнув их на единый взрыватель, выставляли растяжки. Перебитую охрану уносили подальше в лес и прикапывали. Со стороны могло показаться, что базу покинули. Пустые казармы, пустые вышки, пустые огневые точки. Тишина. Андрей справедливо предположил, что японцы для устранения обрыва отправят связистов, и оставил в засаде группу разведки.

– Слушать сюда! – Андрей оглядел строй. – Работаем тихо, без стрельбы. И чтобы никаких пожаров и бегунков!

Насчёт бегунков он опасался зря. Два кольца оцепления из бойцов отряда Лю Даныцзы не оставляли случайно выжившим японским солдатам ни единого шанса.

Армейские магазины располагались между собой на расстоянии суточного пешего перехода, из-за чего в день получалось атаковать не больше двух складов.

Всё шло по плану.

Японское командование не ожидало нападения, поэтому нарушение связи с дальними складами отнесло на счёт нерадивости роты связи.

Пока командир роты оправдывался перед вышестоящим начальством, отряд генерала Лю Даныцы уже подобрался к порту предстоящей высадки японских войск. Первоначально Андрей с генералом планировали с ходу захватить и сжечь его. Но когда на рейде увидели громады морских транспортов, решили внести в первоначальный план коррективы.

– Ты уверен, что это китайские суда? – переводя бинокль с одного корабля на другой, переспросил Андрей.

– Конечно, – не отнимая глаз от бинокля, отозвался генерал.

– А что они здесь делают?

– Всё просто, – хмыкнул Лю Даныцы, – этот порт раньше использовался для перевалки риса из Кореи в Китай. Почти весь приготовленный на экспорт рис свозили сюда, а потом такими вот транспортами отправляли в Тяньцзинь и Шанхай.

– Теперь понятно, для чего построили такие большие пакгаузы ¹⁴.

– Ну, да.

– Так сейчас май. Почему не вывезли урожай осенью?

– Ответ на поверхности, – усмехнулся генерал, – японцам этот рис до зарезу нужен. Мало того, что у них из-за мобилизации крестьян сейчас упало собственное производство, так ещё и армию кормить надо. А зачем возить рис за тридевять земель, когда он уже на материковом складе? Скорее всего, это они его и тормознули. Уж как – не знаю. Через взятку или угрозой, но факт налицо – рис в складах, а транспорты под арестом.

– Подожди. Но ведь армейские магазины, что мы заминировали, битком набиты продовольствием, в том числе и рисом?

– Ну и что? Это говорит только о том, что урожай в прошлом году был хорошим.

– Нужно узнать, остался рис в складах или нет, – пробормотал Андрей.

– Может, ну его? Рванём все склады чоком, и дело с концом, – предложил Лю Даныцы.

– Рвануть всегда успеем. Отправляй разведку.

– Теряем время, Ан Ди, а вдруг кто на заминированные склады сунется?

– Кто попало не сунется. Японцы местных так застрашали, что те на пушечный выстрел к складам подойти боятся. А это означает, что сунуться туда может только свой для японцев человек. А для таких своих мы растяжки и расставили. Полезет на территорию – подорвёт склады. Что в принципе нам и нужно. Так что отправляй на склады порта разведку.

– Неугомонный, – проворчал генерал, но приказ разведчикам отдал.

Прошло два часа.

– Ты оказался прав, – сообщил генерал. – На складах риса под завязку. А эти транспорты зафрахтованы германским бизнесменом для его перевозки – догадайся куда?

– Неужели в Японию? – оживился Андрей.

– По документам в Шаньдунскую провинцию, а на самом деле в Японию, порт Фукуока.

– Откуда столько подробностей?

– Один из разведчиков знает японский язык. Так вот, он подслушал разговор двух японских чиновников. Те говорили, что сегодня вечером ожидается прибытие представителя этого самого германского торговца, чтобы начать погрузку.

– Ой, как интересно. Известно, откуда он должен прибыть?

– Вроде поездом из Пусана. Ты чего так загорелся? Хочешь перехватить торговца?

¹⁴ Пакгауз – закрытое складское помещение особого типа при вокзалах и портах.

– Как повезёт, – усмехнулся Андрей, – но думаю, сам купчина на отгрузку не приедет, а отправит грузового агента. Бумаги наверняка уже оформлены, требуется только проследить за погрузкой и подписать коносаменты ¹⁵.

– Рискованно.

– Понимаешь, Лю, если нам удастся загрузить эти баржи рисом и затопить их на рейде или на входе в бухту, представь, сколько времени японцам придется провозиться, чтобы поднять их и расчистить подход к причалам? Это значит, что о высадке большого числа людей в ближайшее время придётся забыть или искать другой порт. А таких тут раз два и обчёлся. Опять же, они готовили маршрут движения войск, строили армейские магазины, рассчитывали на железную дорогу, и вдруг всё нужно менять. При любом раскладе это займёт не один и не два месяца.

А вся канитель с народными бунтами в Китае уже началась. Хэда говорил, что большое восстание может вспыхнуть в любую минуту. Нужен только повод. И если он не появится сам, его организуют либо японцы, либо ихэтуани.

– Ну, хорошо, допустим. Но как мы их загрузим? На рейде четыре транспорта, каждый водоизмещением по несколько тысяч тонн. Нашим бойцам месяц пахать – не управимся.

– Зачем нам напрягаться? Пусть японцы сами развлекаются. Думаю, что в порту грузчиков в достатке. Как-то же они собирались грузить этих «элефантов». Им и карты в руки. А грузового агента мы им обеспечим, нужно только подходящими шмотками разжиться.

– Ты опять что-то придумал?

– Есть идея, но для этого предлагаю разделиться. Ты остаёшься здесь и готовишь акцию по уничтожению складов – как запланировали. Минируйте другие склады, подходы, вышки и ждите меня. Если в течение двух суток не объявлюсь, работайте по старому плану.

– А ты?

– Я возьму взвод разведчиков, подскочу к ближайшей железнодорожной станции, дождусь поезда из Пусана и устрою на путях небольшую диверсию. Пока железнодорожники разберутся с проблемой, я сяду в поезд и постараюсь вычислить представителя груза. А там буду импровизировать.

– Сколько знаю тебя, столько удивляюсь, – покачал головой генерал. – Ладно, вижу, ты уже всё решил, поэтому отговаривать не буду. Удачи!

¹⁵ Коносаменты – документы для перевозки груза морем.

Глава 10

Поезд из Пусана стоял на станции уже два часа. Уставшие от неопределённости и ожидания пассажиры бесцельно прогуливались вдоль вагонов.

– Вы не знаете, скоро починят эти чёртовы пути? – приставал к пассажирам нервный молодой человек европейской наружности; хороший костюм, котелок, крепкая трость выдавали в нем если не негоцианта ¹⁶, то уж как минимум представителя крупного торгового дома.

– Я опаздываю, – срываясь на фальцет, нервно говорил он, – а им всё равно!

Кому им? И почему этим ИМ должно быть дело до его опоздания, он не пояснял и, раздражённо задрав подбородок, шёл дальше. Пассажиры сочувственно качали головами, но поддерживать разговор с рассерженным молодым человеком не торопились, вежливо освобождая ему дорогу. Только особо внимательный наблюдатель мог бы определить, что нервный юноша целенаправленно движется вдоль состава. Возле мягкого вагона он увидел солидного господина. Рыжие волосы и кайзеровские усы выдавали в нём жителя Европы. Молодой человек приподнял котелок. Европейец вежливо ответил на приветствие.

– Прошу прощения, вы тоже направляетесь в чёртов Чемульпо?

– Нет. Я следую в порт.

– В порт! – радостно отреагировал молодой человек. – Я тоже! Но с этой задержкой...

Он помрачнел.

– Вы, видимо, недавно в Азии? – снисходительно улыбнулся собеседник.

– Да, но уже наелся по самые бакенбарды.

Бакенбардов у нервного молодого человека не наблюдалось, а расстроенный вид говорил, что он сильно переживает из-за задержки поезда.

– Успокойтесь, господин...

– Геер, Петер Геер, – представился молодой человек.

– Господин Геер, – согласился солидный господин. – Так вот, в Азии опоздание – дело обычное, а уж на железной дороге – тем более. Радуйтесь, если нам удастся добраться в порт к ночи.

– Как к ночи! – вскинулся молодой человек. – Как можно?!

– Очень просто. Азиаты не приучены к порядку и пунктуальности. Они вообще живут вне времени. Сутки у них делятся на: утро, день, вечер и ночь. Пытаться их приучить к более точному времени – бесполезная трата сил и нервов.

– С этим мне уже пришлось столкнуться, – согласился молодой человек, – они тут все замороженные.

– Извините, не представился, – ещё раз приподнял шляпу солидный господин, – меня зовут Отто Зайдель, представитель торгового дома «Михаэль Гофман». Так вот, дорогой господин Геер, чтобы понять Азию, в ней нужно прожить не один год. Но даже после этого вы останетесь для них презренным чужаком.

– Презренным? Эти чумазые макаки считают нас презренными?

– О-о-о. Поспокойней, господин Геер. Они относятся к европейцам так же, как мы к ним. И среди них есть не только замарашки, но и вполне солидные граждане. Если вы хотите вести здесь бизнес, вам придётся привыкать к местным реалиям.

– Я вижу, господин Зайдель, что вы весьма искушённый в местных делах человек. Может быть, поделитесь со мной своими соображениями о бизнесе в Корее и дадите мне несколько полезных советов? Я был бы вам крайне признателен.

¹⁶ Негоциант – купец, торговец.

– Почему нет? Похоже, мы застряли на этой станции надолго, почему бы не скоротать время за приятной беседой?

– Тогда я захвачу бутылочку доброго «Отарда» и тотчас вернусь, – просиял молодой человек. – Вы в каком вагоне едете?

– В третьем.

– Десять минут, господин Зайдель, десять минут.

– Хорошо, я жду вас в купе.

Бутылка французского коньяка восемнадцатилетней выдержки уже показала дно. Увлечённая беседа двух земляков давно переросла в наставительное поучение.

– Вы, голубчик, – пьяно всосал носом воздух Зайдель, – должны держать азиатов – здесь! – Волосатый кулак ударил по столу. – И, – он покачал перед носом захмелевшего земляка толстым пальцем, – и никаких послаблений.

– Никаких послаблений, – икнув, поддакнул собеседник.

– А если что не так! Сразу в порошок!

– Порошок, – отозвался с нетрезвым кивком молодой человек. – Может, ещё?

Он потянулся к бутылке.

– Нет. У меня сегодня погрузка.

– Какая погрузка?

– Тссс, – понизил голос Зайдель, – только вам скажу.

– Не надо, – изображая жеманную барышню, пытался сопротивляться собеседник.

– А я сказал – надо!

– Ну, – вздохнул молодой человек и обречённо опустил голову, – надо так надо.

– Во! – успокоился Зайдель и достал с полки кожаный портфель, – здесь всё. Одна сделка, и всё! – Он широко махнул рукой. – Только тссс!

Толстый палец прижался к губам.

– Что всё? – поднял на собеседника ословевшие глаза Геер.

– Документы на четыре транспорта с грузом, – похлопал по портфелю Зайдель, – слышите меня? На четыре.

Видимо он полагал, что цифра «четыре» должна была восхитить собеседника.

– На четыре, – сделал восторженное лицо собеседник, – и что?

– Это страшная тайна. Смотри – никому.

– Никому, – зевнул молодой человек. – Чего-то я устал. Можно я у вас тут...

– Располагайся, – широким жестом махнул хозяин купе, – я, пожалуй, тоже сосну часок. И завалился на другой диван.

Минут десять купе сотрясал дружный храп. Зайдель хрюкнул и повернулся на бок.

Однако здоров, перестав изображать сон, подумал Андрей. Тихо поднялся с дивана и выглянул в коридор.

– Быстро, забирайте. Да смотрите, чтобы волоска с его головы не упало. Через неделю доставите в Пусан и там отпустите.

Внутри скользнули две фигуры, подхватили пьяного Зайделя под руки и вытащили из купе.

– А теперь привести себя в порядок и полистать бумаги, – пробормотал Андрей и сунул голову под струю холодной воды. – Хорошо, что в мягких вагонах предусмотрены все условия, – с благодарностью к железнодорожникам проговорил он, очистив желудок от лишнего алкоголя. – Теперь чайку, и за работу.

В купе постучали.

– Ваша остановка, господин Зайдель.

– Он уже собрался. – Молодой человек открыл дверь. – Возьмите вещи, мы – следом.

Хрустящая банкнота исчезла в ладони проводника.

– Будет сделано, господин.

Он вежливо поклонился и понёс чемодан на выход. Андрей подхватил портфель Зайделя и вышел следом. Вещи хозяина купе уже стояли на платформе. Андрей остановился рядом и скучающе повернулся к вагону.

Проводник тёрся в дверях, но переспросить важного европейца, где его попутчик, не решился. Поезд тронулся и, набирая ход, покатиł вдоль перрона. Проводник беспокойно оглянулся.

Где же второй? Нужно проверить купе, мало ли.

Пустое купе встретило его следами вчерашней попойки.

– Никого. Наверное, вышел через другой тамбур, – решил проводник. – Всё у этих европейцев не как у людей, – пробормотал он, – напились вчера, как свиньи, теперь убирай за ними.

Он закрыл купе и, выбросив из головы мысли о неприятных пассажирах, занялся своими делами.

Поезд уже скрылся за поворотом, когда Андрей услышал за спиной вежливый голос:

– Господин Зайдель?

– Да, – высокомерно оглянулся Андрей.

Перед ним стоял невысокий кореец в европейском костюме и котелке. Одежда смотрелась на нем настолько неестественно и мешковато, что его вид вызывал улыбку, но Андрей сдержался.

– Простите, что заставил вас ждать, – извинился кореец, – меня зовут Ан. Мне поручено встретить и проводить вас в управление порта.

– Наконец-то, – раздражённо бросил Андрей, – пешком?

– Ну что вы! Пройдёмте в коляску.

Кореец подхватил чемодан и двинулся к выходу с перрона.

Надеюсь, наши видят меня и доложат генералу Лю, что всё идёт по плану, подумал Андрей. Игра начинается...

Зайделя ждали, поэтому погрузка транспортов началась без проволочек. Пока вереницы грузчиков таскали мешки с рисом, Андрей занимал беседой японского чиновника, который представился ему Намурой.

– Надеюсь, что в море с НАШИМ грузом, – на слове «наш» он сделал заговорщическое лицо, – никаких сюрпризов не случится?

– Не беспокойтесь, дорогой господин Зайдель, на рейде ваши транспорты будут взяты под охрану японским императорским флотом.

– Германия в этом регионе располагает своими возможностями, – поднял бровь Андрей.

– Разумеется, господин Зайдель. Вот только захочет ли командование кайзеровского флота продемонстрировать причастность к пропаже четырёх китайских судов? А что касается нашего флота, то для всех любопытных он будет осуществлять в интересующем нас с вами районе плановые манёвры. А то, что он при этом будет приглядывать за грузом дружественного государства, будем считать знаком доброй воли и не более того.

– Да, – согласился Андрей, – мне дали понять, что наш флот хочет остаться в тени и будет делать вид, что ему ничего не известно о данной «торговой» операции. Но вы согласитесь, что караван морских транспортов, сопровождаемых кораблями микадо, не может не обратить на себя внимания союзной эскадры?

– Раскрою вам секрет, господин Зайдель.

– С интересом послушаю, – наклонился к Намуре Андрей.

– Как только транспорты пройдут траверз ¹⁷ Цусимы, мы развернём их на Кюсю. Через Корейский пролив пройдем ночью, а там рукой подать до Хакаты. Но есть ещё одно обстоятельство, почему союзной эскадре будет не до вашего каравана.

Андрей вопросительно поднял брови.

– Какое?

– В Пекине уже начались массовые беспорядки, а со дня на день на одного из глав посольской миссии в Пекине будет совершено покушение. После такого вся эскадра «встанет на уши», и ей будет не до пропажи каких-то четырёх коммерческих посудин.

– Покушение? На кого?

– Этого я вам не могу сказать, дорогой господин Зайдель, точнее – не знаю.

– Понимаю, понимаю, в таком деле без секретности никуда, – согласился Андрей. – Что ж, вам удалось меня успокоить. – Но он тут же нахмурил брови. – Одно плохо: грузчиков маловато. Где бы нанять ещё сотню-другую, чтобы погрузка шла круглосуточно?

– У вас хорошая хватка, господин Зайдель.

– Вы не видели моего хозяина, – усмехнулся Андрей, – его хватке может позавидовать даже английский бульдог. Ещё по рюмочке?

– Да, если позволите. Хороший коньяк.

– Французский, я пришлю вам ящик в подарок.

– Тронут вашей щедростью. – Японец пригубил напиток. – А что касается дополнительных рабочих... Думаю, что смогу помочь. У меня очень хорошие отношения с начальником грузового порта Пусана, если его заинтересовать, то у вас уже сегодня вечером появится не две, а четыре сотни грузчиков.

– Буду признателен, – засиял улыбкой Андрей, – скажите ему, что я не останусь в долгу. Японец лукаво усмехнулся.

– А потом удвойте счет и выставите нам?

– Что поделаешь, бизнес, – пожал плечами Андрей. – Но чтобы у вас не сложилось обо мне превратного мнения, примите небольшой презент.

На столе, приятно звякнув серебром, появился небольшой кожаный мешочек.

– Звоните своему знакомому, господин Намура. И если сегодня к вечеру на погрузке появятся ещё четыре сотни грузчиков, этому парню, – кивнул Андрей на мешочек с деньгами, – найдётся близнец.

– Приятно иметь с вами дело, господин Зайдель.

– Мне с вами тоже. Прозт? ¹⁸ – поднял рюмку Андрей.

– Прозт! – поддержал японец.

К вечеру третьего дня последнее судно, основательно осев в воду, отвалило от причала. Андрей проводил глазами железную громаду перегруженного транспорта и устало выдохнул:

– Получилось! Теперь дело за генералом.

Он уже подходил к воротам порта, когда услышал глухой, утробный рёв подводного взрыв. На глубине нескольких метров под днищем загруженного под самые крышки транспорта сработали несколько мощных фугасов. Судно застонало, закрипело и, выпустив огромный воздушный пузырь, за минуты скрылось под водой. В это же время на рейде, на глазах конвоя японских кораблей вздыбились корпуса остальных трёх транспортов. Не прошло и нескольких минут, как от морских громадин на поверхности моря осталось огромное пятно рисовой шелухи, корабельного мусора и нескольких болтающихся среди этого хлама голов выживших членов экипажей.

¹⁷ Траверз – направление, перпендикулярное курсу судна.

¹⁸ Прозт, прозит (от лат. Prosit – да будет на пользу) – пожелание здоровья при распитии алкоголя.

А утром, повинувшись невидимому дирижёру, начали рваться заминированные армейские магазины, телеграфные столбы, полотно железной дороги, вагоны, платформы, автомобили, бочки с автомобильным горючим.

Маршал Оку был в ярости. Хорошо продуманная и тщательно спланированная им операция по вторжению в Китай и Маньчжурию была сорвана. Пошли прахом усилия двух последних лет. Канули в никуда огромные материальные, денежные и трудовые ресурсы.

Народ Ниппон ¹⁹ рвал жилы, голодал, отдавая последнее, чтобы обеспечить армию. И теперь всё это стояло в руинах, горело на складах, лежало грудой искорёженного металла и взрывалось в подземных погребках.

Информация об уничтоженных складах поступала с разных сторон, но её было настолько мало, что оценить реальный размер нанесённого ущерба не представлялось возможным. Оку не мог доказать, но был уверен, что вся эта чудовищная по масштабам диверсия – дело рук его давнего врага, русского статского советника Безобразова.

¹⁹ Ниппон – вариант названия Японии на японском языке.

Глава 11

Большая семья лодочника Хао Фэнга едва сводила концы с концами.

Деревянная лодка, которая досталась ему от отца, а тому от его отца, а деду от прадеда, уже несколько недель стояла без работы.

После того как на канале появилась большая пузатая железная лодка, выбрасывающая в небо чёрный дым и оставляющая на воде жирные вониючие пятна, работы для хозяев мелких лодок не стало.

Огромное чрево железной посуды вмещало за один раз столько груза, сколько Фэнгу на своей «старушке» было не увезти за целый сезон.

Теперь любой случайный заработок или опоздавший на железную лодку купец был мечтой для всех лодочников округи.

Небольшой улов мелкой рыбёшки из канала не мог прокормить семью, и Фэнг, щурясь слезящимися глазами на пустую дорогу, молил всех богов, чтобы они послали хоть какую-нибудь работу. Тягостные мысли не давали покоя.

Старший сын устроился землекопом на железную дорогу, которую строил толстый иноземец. Поговаривали, что он приехал из Германии. Где она, эта Германия, никто не знал. Наверное, так же далеко, как и столица Поднебесной. Младшие сыновья, помогавшие отцу ворочать тяжёлые вёсла «кормилицы» в ожидании заказчика, пытались поймать на удочку мелкую рыбёшку для вечерней похлёбки. Дочки помогали матери по дому, но главной их обязанностью было ухаживать за петухом и двумя курицами – настоящим сокровищем их семьи. Птицы уже принесли первые четыре яйца, и жена сразу посадила на них куриц.

– Теперь дело пойдёт, – радовалась жена, – скоро у нас будет целый двор цыплят.

– Чем только их кормить? – грустно вздохнул Фэнг.

– Ничего, пока рыбёшкой из канала, а там, глядишь, повезёт с работой – тогда сразу куплю мешок гаоляна. У гаоляна зерно хоть и мелкое, но сытное. На нём цыплята быстро пойдут в рост, а сами ничего, потерпим – не впервой.

– Зато потом заживём, у-у... – мечтательно закрыл глаза Фэнг.

Куриц и петуха Фэнгу дал священник местного костёла за то, чтобы старшая дочка Веики работала на христианском подворье.

– Не всем так везёт, – счастливо улыбнулся Фэнг. – Вон, у соседа лодочника тоже есть дочка, но в работницы взяли нашу Веики.

Дочку Фэнг любил. Да и как её не любить? Веики пошла в мать. Ещё несколько лет назад та тоже была красавицей, но шестеро ребятишек высушили её красоту. Да и он не помолодел. Тяжёлое весло сделало ладони твёрже железа, а лицо – чернее угля.

Веики повезло. Она рассказывала, что настоятель храма, взявший её на работу, добрый и справедливый: не бьёт, а если и поругает, то за дело. А работы она не боится.

– Да, повезло! Правда, пришлось дочке принять христианскую веру, ну, это ничего, – главное, есть работа, – опять же, помощь семье. Хоть её и отпускают домой только раз в неделю, но зато она приносит гостинцы. А ещё ей за работу платят. Уже несколько медных лянов заработала. Мать сразу прибрала монеты в старый сундук, ей на свадьбу откладывает. А ещё на христианский праздник она приносит младшим по кусочку сахара. Теперь малышня её ждет не дождётся.

Веики и правда была трудолюбивой и прилежной работницей. Она успевала всё: и управиться по хозяйству, и убраться в храме, и отстоять молебен. Святой отец был доволен и часто хвалил её.

В католическом подворье, кроме Веики, работали ещё несколько девушек и парней. Конечно, работы было много, но всем нравилось. Их кормили целых два раза в день, давали кашу и твёрдые мучные лепёшки.

– А куда мне столько? Я маленькая, мне и каши хватит, – рассуждала хозяйственная Веики и потихонечку прятала несъеденную лепёшку в узелок.

А когда по воскресеньям после службы их отпускали по домам, она гордо несла собранные за неделю лепёшки домой.

– Мне уже двенадцать, скоро я буду старой, и настоятель отправит меня на учёбу в Пекин, – тяжело вздохнула девочка. – Жаль, а мне так нравится вечерняя служба.

Святой отец говорит, что это особенное таинство и его могут служить только очень прилежные девочки, такие как она, Веики.

Прилежными были ещё две девочки, тоже из их городка. Правда, они были на год помладше, но тоже старались изо всех сил. После вечерней службы в храме Веики и эти девочки поднимались в келью настоятеля. Там он наливал им сладкой и очень вкусной воды, они выпивали её и начинали молиться. Святой отец говорил, что если они будут прилежно петь молитвы, то к ним явится Святой Дух и одарит их благословением.

Они хорошо молились, так хорошо, что начинала кружиться голова, и в груди становилось горячо. И тогда Святой Дух являлся им.

Он всегда приходил обнажённым и был очень похож на святого отца, но радость, которой наполнялось сердце, заставляла девочек молиться ещё неистовей. Святой Дух снимал с них одежды и гладил их везде, и целовал их, и они целовали его, а потом друг друга.

Как она прекрасна, всеобщая любовь – когда все любят друг друга.

Потом Святой Дух начинал благословлять их каждую по очереди. Он входил в них сзади, а они плакали от счастья и благодарности, целовали его и просили ещё и ещё «благословлять» их. А потом он уходил, и они долго молились и плакали от счастья, обнимая друг друга.

Сегодня на исповеди она рассказала святому отцу о том, что к ней приходит Святой Дух и благословляет её.

Святой отец строго выслушал Веики и сказал, что это великое чудо и страшная тайна. Что только истинно верующие в Бога могут увидеть Святого Духа, а то, что Святой Дух похож на него, на пастора, – так в этом ничего необычного нет. Ведь Святой Дух может вселиться в кого угодно, например, в голубя, а уж вселиться в служителя Божия – тем более естественно.

Но если она кому-нибудь расскажет о том, что к ней приходит Святой Дух, расскажет без разрешения самого Святого Духа, то её постигнет страшная кара. Веики сильно испугалась и поклялась, что никому не выдаст тайны.

– Сегодня вечером я помогу тебе, мы вместе обратимся к Святому Духу, и ты сможешь спросить у него всё, что захочешь, – пообещал настоятель.

Целый день девочка не находила себе места, мечтая, чтобы скорее наступил вечер.

Наконец вечерняя служба закончилась, и святой отец жестом поманил её за собой. Они прошли мимо его кельи, где раньше вместе с другими девочками молились Святому Духу, и зашли в следующую комнату. Это было совершенно другое помещение, более просторное и богато обустроенное. Больше половины комнаты занимало огромное, роскошное ложе с резными золочёными столбами, поддерживающими невероятной красоты балдахин. С него спускались толстые ярко-жёлтые шнуры, которые будто змеи опутывали резные опоры. Концы шнуров были завязаны в тугие кисти и красивыми гроздьями свисали со столбов, почти касаясь пышной перины.

На перине лежало покрывало из алой парчи с вышитыми по всему полю золотыми крестами, а пространство между ними заполнял золотой узор в виде виноградной лозы. Невероятная красота постельного покрывала создавала иллюзию, будто это не ложе, а священный алтарь.

Это великолепие венчало множество ярких подушек, каждая из которых стоила вдвое больше, чем вся фанза и лодка отца Веики вместе взятые. Стены комнаты, задрапированные ярко-красной шёлковой тканью, придавали ей вид императорской опочивальни. На полу, заполняя всё свободное пространство, лежал огромный пушистый ковёр. Ближе к двери стоял круглый стол, накрытый шёлковой скатертью, и на нём, сверкая хрустальными боками, стояли два изящных графина. Они были наполнены притягивающей взгляд бордово-красной жидкостью. Рядом на золочёном блюде лежала большая тёмно-коричневая плитка.

Наверное, лакомство, подумала Веики, вот бы попробовать.

Обстановка была такой величественной и необычной, что она оробела.

– Ну, что, нравится?

– Очень, – тихо сказала девочка, – я никогда не видела такого богатства.

– В этой комнате мы с тобой будем молиться Святому Духу. Ты же хотела его увидеть? – ласково спросил святой отец.

– Конечно, – искренне воскликнула девочка.

Настоятель погладил её по голове.

– Поэтому и комната, где мы с тобой будем призывать Святого Духа, должна быть такой, чтобы ему тоже понравилось. Поняла?

Веики понятливо кивнула.

– Что ж тут непонятного? В такую-то красоту всем приятно зайти.

– Ну, тогда приступим, – подбодрил её настоятель. – Ты готова?

– Да, – тихо проговорила девочка, вспоминая слова молитвы.

Святой отец налил из одного графина красно-бурый напиток в бокал и подал девочке, из другого графина налил себе. Перекрестился, подбадривающе кивнул девочке на бокал и выпил свой до дна. Веики тоже перекрестилась и храбро выпила всю воду из своего бокала.

Эх! Такую вкуснотень пить бы помаленьку, чтобы дольше вкусно было, с сожалением подумала она.

– Ну, что стоишь? Раздевайся, и начнём, – шикнул на неё святой отец, суетливо стягивая с себя сутану.

Девочка послушно стала раздеваться, аккуратно складывая одежду на стул.

В голове появился далёкий шум.

– Приступим, – перекрестился настоятель и начал громко читать молитву.

Веики сначала повторяла за ним слова, но скоро язык её стал заплетаться, а в голове шумело всё сильнее и сильнее. Знакомая истома охватила её. Она счастливо заулыбалась и вдруг почувствовала, что летит. Сильные руки святого отца подхватили её, подняли в воздух и бережно опустили на мягкую перину.

– Никогда мне не было так тепло и хорошо, – улыбнулась своим ощущениям Веики, проваливаясь в туманную пелену.

– Похоже, с опиём я сегодня переусердствовал, – где-то на краю её сознания прозвучал недовольный голос настоятеля. – Ну, что ж, придётся так.

Она пребывала в сказочном тумане, вяло позволяя перевернуть себя лицом вниз. Что-то вошло в неё сзади.

– Ой! Не туда! – пискнула она, и ей вдруг почему-то стало смешно.

А сзади, навалившись на её худенькие ягодицы, ухал и пыхтел потерявший благочестивый вид святой отец, пытаясь проникнуть своим удом в самую глубину, неистово насаживая на себя податливое и почти бесчувственное детское тело. Он что-то говорил ей, но она всё дальше и дальше проваливалась в сладкую истому, не понимая, о чём её спрашивают, и лишь глупо улыбалась.

Он развернул худенькое тельце и задрал худенькие ножки себе на плечи.

Сегодня не так приятно, как раньше, подумала Веики ускользящим сознанием.

Настоятель крепко сжал её бедра своими руками и ритмично задвигался, раскачивая детское тельце взад и вперед. Голова девочки безвольно моталась из стороны в сторону, но ей уже было всё равно. Она закрыла глаза, и красивое розовое облако, ласково обняв её, повлекло ввысь.

Ощущение полного счастья поглотило её сознание и, растворив в себе, унесло к далёкому сверкающему свету. А безвольное тельце смятой куклой осталось где-то там внизу, на огромной кровати, ничего не чувствуя и не ощущая, лишь счастливая улыбка блуждала на детском личике. Она впала в глубокую наркотическую дрему. Святоша рассвирепел. Проклятая девчонка, превратившись в безвольную колоду, украла у него наслаждение. Безумие, похоть и неуголимая ярость охватила его.

Он начал терзать её зубами, кусая шею, губы, грудь, пока вдруг не понял, что она не дышит.

Ярость стала утихать, и понимание того, что он замучил девчонку до смерти и уже давно насилует мёртвое тело, вдруг стало доходить до него. Он с ужасом смотрел на изломанное, искусанное и исцарапанное бездыханное тельце послушницы. Страх холодной рукой сжал сердце извращенца.

Нужно срочно избавиться от тела, судорожно подумал он и трясущимися руками потянул с пола сутану; голова никак не хотела попадать в ворот.

Наконец он смог натянуть её, но предательски торчащий уд топорщил облачение.

Сильна же эта женшеневая настойка, пронеслось в голове насильника. Уверенность постепенно возвращалась к нему. Нужно выпить и успокоиться, заработал мозг. Да не эту дрянь.

Он выплеснул из бокала остатки возбуждающего настоя.

– Где-то у меня был шнапс. Остался после гера Штахеля. Где же он? А! Вот! Нашёл! Налить полбокала. Нет! Лучше полный! Прозт! – выдохнул он и опрокинул шнапс в пересохшее горло.

Резкий сивушный привкус ударил в нос, вышибая из мозгов остатки эротического возбуждения. В голове появилась ясность и способность здраво рассуждать.

– То, что девчонка осталась после службе в храме, никто не видел, те две соплюшки – не в счёт. Но надо от них избавиться. Когда приходит пароход Штахеля? Через два дня? Он давно просит пару наложниц, вот ему их и отдам. С учётом срочности можно уступить дешевле, не до бизнеса. Что делать с телом? Завернуть в покрывало? Нет, оно слишком приметно, лучше в портьеру.

Завяжу шнуром от балдахина и в канал. Надо только привязать к телу что-нибудь тяжёлое. Что? На берегу искать и привязывать камни будет некогда, поищу в доме. О! Решётка от камина! То, что надо! Привяжу на месте. Нужно только отвезти подальше. Родителям скажу, что отпросилась домой. Будут шуметь – велю гнать в шею. Жаловаться на меня они не посмеют. Вроде всё складно. Ещё полбокальчика, и можно паковать тело.

Взглянув на свою непристойно оттопыривающуюся сутану, он усмехнулся:

– Надо же, как разобрало! В этот раз Штахель привёз не обычную возбуждающую настойку, а какую-то адскую смесь. Плоть до сих пор успокоиться не может.

Он попробовал рукой заправить в штаны до сих пор возбуждённый уд, но тот упрямо вывернулся и снова приподнял облачение.

– Какой настойчивый! – приходя в хорошее расположение духа, проворчал святой отец. – А чего, собственно, я так всполошился? – окончательно успокоившись, подумал он и налил себе очередную порцию шнапса. – Перепила и перепила. – Он отломил кусочек шоколада от лежащей на столе плитки. – Хотя нет, не перепила. Там вина-то было – чуть. Видать, я в этот раз с дозой ошибся. Веса-то в ней – всего ничего, а выпила всё до дна. Вот и отключилась. А девчонку жалко, хороший товар был, марок на пять – не меньше. Теперь чего уж? Получилось,

как получилось, – с сожалением пробормотал он и стал заворачивать истерзанное тельце в дорогую портьеру.

Тюк получился небольшим и не тяжёлым.

– Килограммов тридцать, не больше, – прикинул святоша. – Подожду ещё часик, и можно ехать.

Вскоре с подворья католического храма выкатилась коляска и неспешно двинулась за город. Послушники храма, намаявшись за день, крепко спали и не слышали, как открывались добротнo смазанные тяжёлые храмовые ворота.

Через два часа коляска пастора так же тихо вернулась во двор. Святой отец лично распряг лошадь и завёл её в конюшню. Послушная лошадка уткнулась тёплыми губами в его ладонь, ища угощения. Он сунул ей солёный сухарик и, заботливо потрепав по холке, со спокойной совестью отправился спать.

Глава 12

Через два дня мальчишка-рыбак, устанавливая в канале закидушку ²⁰, за что-то зацепился. Блесну было жалко. Он вырезал её целый день из найденной на днях кем-то выброшенной пустой консервной банки. На блесну пацан возлагал нешуточные надежды: сияющие бока самодельной блесны играли в воде, как настоящая рыбка, поэтому хищная щука или окунь, которые водились в канале, не могли остаться к такой приманке равнодушными.

Когда блесна была готова, он решил идти рыбачить подальше от города. Туда, куда местные пацаны ленились ходить, а значит, у него был шанс. А тут рыбалка ещё не началась – и сразу зацеп.

Нужно нырять, решил он и полез в воду.

Глубины оказалось метра три. Мальчишка задержал в лёгких воздух и, быстро перебирая руками по шнуру закидушки, стал спускаться к месту зацепа.

Сквозь мутную воду он увидел, что блесна зацепилась за какой-то тюк. Неужели тюк материи? – боясь спугнуть удачу, подумал мальчишка. Наверное, с большой лодки упал.

Сердце радостно забилося. Повезло! Вот отец будет рад!

Мальчик потянул за край тюка. Тяжёлый, к тому же мокрый, самому не поднять. Нужна помощь.

Выбравшись на берег, он привязал закидушку к камню и рванул за отцом...

Весь город всколыхнула страшная новость.

В тюке, выловленном в канале, найдено мёртвое тело дочери одного из лодочников города. К тюку была привязана кованая каминная решётка, в которой местный кузнец признал свою работу. Её он ковал по заказу настоятеля католического костёла.

Тело девочки было завернуто в плотную материю, поэтому рыбы не объели труп, но страшные укусы и множественные синяки указывали на то, что перед смертью над девочкой издевались.

Несчастный отец поднял тело дочери на руки и понёс его к костёлу. По его морщинистому, обветренному лицу катились слёзы. За ним шёл кузнец, тряся каминной решёткой и громко выкрикивая имя того, для кого он её ковал.

К процессии присоединялись всё новые и новые люди. Они сочувственно смотрели на безутешного отца и возмущённо роптали, указывая на возвышавшийся над крышами золочёный крест католического храма.

Вскоре по дороге двигалась толпа в сотню человек. С приближением к костёлу она становилась всё более шумной и воинственной. Чиновник местной администрации попытался выяснить причину беспорядка, но получил в зубы и спешно ретировался.

Когда процессия проходила по городу, к ней присоединились крепкие парни из местной школы кунг-фу. Настрой толпы становился всё агрессивней.

Дорогу к костёлу пыталась преградить жиденькая цепь из китайских полицейских, но в них полетели камни и палки. Полиция ретировалась в проулок. Возле храма, хмуро глядя на подступающую толпу, выставив вперёд штыки, замер патруль германских солдат. Сержант поднял руку и приказал толпе остановиться.

– Разойдитесь по домам! Не то я вынужден буду отдать приказ открыть огонь! – громко выкрикнул он.

Но толпа подходила всё ближе. Впереди шёл несчастный отец, неся на руках истерзанное тело дочери. Уже тысячное людское море требовало выдать убийцу-пастора.

²⁰ Закидушка – самодельная рыбацкая снасть. Выглядит как тонкий шнур или леска с грузом и рыболовным крючком на конце. Часто вместо груза к леске цепляют блесну.

Солдаты растерялись. Минутная заминка привела к тому, что ученики школы кунг-фу разоружили солдат и толкнули их в возмущённую толпу.

Сначала их шпыняли и толкали, затем стали бить руками, а тех, кто упал, – топтать. Не понимая, почему впереди начали бить солдат, каждый участник шествия старался дотянуться до несчастных, чтобы щипнуть, толкнуть или ударить их. Из десяти немецких солдат из толпы удалось вырваться двоим.

Избитые и ободранные, прикрываясь от озверевшей толпы руками, они бросились в сторону китайских казарм. Остальные семеро вместе с сержантом остались лежать на земле, растерзанные и растоптанные.

Вслед убегающим солдатам кайзера летели камни, навоз и оскорбительные выкрики. Толпа снесла ограду храма, завалила ворота и окружила костёл. По распоряжению настоятеля служки закрыли тяжёлые дубовые двери на запоры.

Лодочник Фэнг подошёл к крыльцу и положил тело погибшей дочери у самых дверей. Кто-то из толпы крикнул:

- Сжечь исчадь ада!
- Вместе с домом и прислужниками! – подхватила толпа.
- Сжечь Белого Дьявола!
- Сжечь Ягунцзы!
- Сжечь! Сжечь!

Десятки человек бросились разбирать хозяйственные постройки храмового подворья. Вокруг костёла начала стремительно расти куча деревянного хлама.

Кто-то бросил факел, и маленький, робкий огонёк, будто примериваясь, осторожно лизнул сухое дерево. Огонь зацепился за сухую доску и уже по ней побежал по кострищу. Через несколько минут длинные языки пламени вырвались из его глубины, взметнулись вверх и, выбрасывая снопы искр, набросились на деревянные двери храма.

А люди тащили и тащили палки, доски, брёвна и обкладывали ими горящее здание со всех сторон. В окна полетели горшки с маслом.

Вскоре огонь ревел не только вокруг, но и внутри здания. Сквозь разбитые стёкла оконных витражей было видно, как в огне мечутся оказавшиеся в огненной западне люди. Среди них мелькала и белая сутана настоятеля.

Китайские католики, жившие вне подворья храма, увидев над его крышей огонь, бросились на помощь.

Но возле костёла их ловили и тащили к ревущему пожарищу.

От них требовали публичного отречения от веры в распятого Бога. Тех, кто отрекался и плевал на горящий храм – отпускали, других, проявивших стойкость и преданность вере, – живьём бросали в огонь.

Дубовые балки, удерживавшие свод костёла, прогорели и, выбрасывая снопы искр, рухнули вниз, и стены здания, потеряв опору, стали проседать и медленно заваливаться внутрь. Держалась лишь одна стена с чудом сохранившимся витражом. На разноцветной мозаике плясали отблески горящего здания, отчего казалось, что изображенные на витраже грешники ожили и теперь корчатся в адском пламени.

Придавленный упавшей пылающей балкой святоша, предавший своего Бога, лежал прямо напротив чудом уцелевшего витража. Страшные ожоги покрывали его тело, а кожа лица шипела и пузырилась от жара горящего рядом с головой распятия. Настоятель был в сознании. Сломанные рёбра и тяжесть придавившей его балки не давали пошевелиться. Извращенец пытался отвернуть лицо от близкого огня, чувствуя, что его глаза вот-вот закипят, но сил не было даже на это. Он попытался обратиться к Всевышнему, но потрескавшиеся губы спеклись и не могли прошептать слова последнего покаяния. Он хотел прочесть молитву про себя, но в голове, заполняя всё его сознание, вдруг грозно зазвучали слова:

Я ИЗВЛЕКУ ИЗ СРЕДЫ ТВОЕЙ ОГОНЬ, КОТОРЫЙ ПОЖРЁТ ТЕБЯ; И Я ПРЕВРАЩУ ТЕБЯ В ПЕПЕЛ НА ЗЕМЛЕ ПЕРЕД ГЛАЗАМИ ВСЕХ ВИДЯЩИХ ТЕБЯ, ВСЕ ЗНАВШИЕ ТЕБЯ СРЕДИ НАРОДОВ ИЗУМЯТСЯ О ТЕБЕ; ТЫ СДЕЛАЕШЬСЯ УЖАСОМ; И НЕ БУДЕТ ТЕБЯ ВО ВЕКИ ²¹.

Ужас и понимание неотвратимости наказания застыли в глазах настоятеля. Острая боль пронзила его, паралич сковал ставшее вдруг непослушным тело. Кожа на руках и ногах вздулась волдырями и начала лопаться, принося ему невыносимые страдания.

Так он и сгорел, до последнего мига оставаясь в сознании, вынужденный смотреть на витраж с изображением сюжета наказания грешников в аду, ставший для него пророческим.

Местный китайский гарнизон не рискнул связываться с разъярённой толпой и забаррикадировался в казармах. Зато командир взвода германских солдат, расквартированных во взбунтовавшемся городке, оказался неробкого десятка и, подняв в ружьё всех, кого смог, бросился на помощь пропавшему патрулю.

Завидев иностранных солдат, бунтовщики двинулись навстречу, но дружный залп карабинов заставил опьяневшую от крови и безнаказанности толпу остановиться.

За первым прозвучал второй залп – появились убитые и раненые.

Растерянная, не ожидавшая быстрой и жестокой расправы толпа прыснула в стороны. Давя и сбивая с ног друг друга, люди в панике бежали прочь, а построенный в каре взвод германских солдат, деловито перезарядив оружие, мерной поступью двинулся к дымящимся останкам костёла. Через каждые десять шагов он останавливался и производил новый залп.

Горожане, оставив на земле десяток мёртвых тел, попрятались во дворах и переулках, но возле пепелища храма ещё шумела толпа. Здесь не предпринимали в отношении германцев никаких враждебных действий, а лишь наперебой кричали о преступлении пастора. Но германский офицер увидел у изгороди храмового подворья истерзанные тела бойцов пропавшего патруля.

Прозвучала короткая, лающая команда, и взвод, дружно пристегнув штыки, двинулся на толпу.

Плоские, похожие на большие ножи немецкие штыки ударили по поджигателям. В воздухе повис крик ужаса, а безжалостная германская сталь кромсала и рубила сбившихся в кучу людей. Окованные приклады крушили черепа. В воздухе тошнотворно запахло кровью и испражнениями.

Фэнг с ужасом смотрел на свои внутренности, вываливающиеся из распоротого штыком живота. Он пытался руками сжать страшную рану, но кишки непослушно выползали сквозь пальцы. Сделав несколько шагов, лодочник остановился и, теряя сознание, тихо осел на дорогу.

Душа покинула уставшее, натруженное тело и, сделав прощальный круг, полетела в высокую синь неба, туда, где её ожидала маленькая Веики...

²¹ Слова из Ветхого Завета (Иез. 28:18–19).

Глава 13

В городе продолжалась резня. За каждого погибшего германского солдата было убито не менее десятка жителей, но карательная акция не закончилась, а только набирала обороты.

Поймав подвернувшегося под руку старика, германский офицер потребовал показать, где находится ближайшая китайская кумирня ²². Око – за око! Храм – за храм! – решил он и повёл солдат к капищу.

Испуганный китаец не мог противиться страшному германскому офицеру, но решил отомстить, как мог. Он указал германским солдатам на кумирню самого могущественного и мстительного китайского божества – Гуань Ди. Не зная о вероломстве проводника, командир взвода привёл своих солдат к кумирне Бога войны ²³.

Каменная башня с толстыми стенами и огромная деревянная статуя китайского Бога войны вызвала у кайзеровского офицера презрительную улыбку. Он решил наказать взбунтовавшийся город, предав огню их святыню – святилище Гуань Ди. Но морёный дуб, из которого была вырезана статуя, простоявшая в этом храме более ста лет, не хотел загораться. Тогда командир взвода приказал завалить статую на пол и произвёл несколько выстрелов в её голову.

Тяжёлые пули выбили из статуи Гуань Ди крупные щепки, но немецкая бережливость взяла верх. Не желая больше тратить дорогостоящие патроны на деревянного истукана, офицер приказал солдатам надругаться над божеством, оправившись на него всем подразделением.

Приближались сумерки. Германцы решили не рисковать и, бросив разоренную кумирню, укрылись в казармах китайского гарнизона.

Известие о совершённом германскими солдатами святотатстве облетело город и повергло суеверных жителей в мистический трепет. Не только горожане, но и солдаты гарнизона, поклонявшиеся Гуань Ди, были в ужасе. Все замерли в ожидании большой беды. И она не заставила себя ждать.

Этой же ночью в город вошёл хорошо вооружённый отряд ихэтуаней.

По всему городу начались повальные грабежи домов иноземцев. Тащили домашнюю утварь, мебель, посуду, занавески – буквально всё, что находилось в доме. Ханша лилась рекой. – Ура! Свобода!

Пока ликующие граждане радовались обрётённой свободе, бригада плотников восстанавливала кумирню Гуань Ди. Они по шепоткам собрали расстрелянный лик божества и установили деревянную статую на прежнее место. Богохульство иноземных солдат требовало отмщения, и предводитель ихэтуаней потребовал для Бога войны искупительной жертвы. К кумирне приволокли большой медный чан и установили у ступеней.

Загремели ритуальные барабаны, трубно заревел храмовый рог, и десятки отрядов двинулись по улицам цепью, сгоняя к храмовой площади иностранцев. Гнали всех: мужчин, женщин, китайцев-католиков и всех, кто был замечен в бизнесе с иноземцами или помогал им.

На площади, в оцеплении вооружённых ихэтуанями горожан, в страхе толпились десятки перепуганных насмерть людей. Грохот барабанов стал громче, зазвенели колокола. На ступени кумирни вышел жрец и неожиданно зычным голосом запел молитву. Несколько вооружённых топорами ихэтуаней стали без разбора хватать пленников.

Несчастных ставили на колени и рубили головы, а несколько фанатично настроенных добровольцев собирали кровь казнённых в жертвенный чан.

²² Китайская кумирня – языческое капище. Она могла быть как каменным, так и деревянным зданием, внутри которого возлежала, сидела или стояла статуя почитаемого в ней божества – кумира.

²³ Гуань Ди обычно изображался в виде огромного могучего воина с грозным, красным лицом. Считалось, что красный цвет его лица означает гнев по отношению к любой несправедливости, нарушению законов и оскорблению духов предков.

Над площадью повис вой, но неустомимые палачи рубили и рубили головы, не разделяя жертв на мужчин и женщин. В воздухе стоял тошнотворный запах крови, но многочисленные зрители, впад в кровавое безумство, подбадривали палачей, комментируя их ловкость после каждого удачного удара топора.

Ревущая толпа колыхалась, словно море. Такого зрелища этот город не видел никогда. Национализм и религиозный фанатизм зашкаливали.

На этом фоне бесчинствовали грабители. Разгорячённые парами дармовой выпивки, они врывались в богатые дома, переворачивали всё вверх дном, а разграбив имущество, тащили хозяев к кумирне как очередных жертв оскорблённого божества.

Когда жертвенный чан наполнился, накал на площади достиг пика, и толпа была готова на любые дикие поступки. И тогда на ступени кумирни поднялся вождь ихэтуаней. Он окунул руки в чан с жертвенной кровью и омыл ею стопы статуи Гуань Ди. Толпа радостно взревела.

Откуда-то притащили отрез красной ткани и благоговейно положили к ногам кумира. Жрец отрезал от рулона ткани длинную полосу и, поклонившись статуе Гуань Ди, двумя руками торжественно передал её вождю ихэтуаней.

Тот принял повязку и, высоко подняв её над головой, выкрикнул:

– Братья! Сегодня здесь, на камнях древней кумирни, я приношу клятву древним Богам! – Он оглядел притихшую толпу. – Я клянусь тебе, великий Гуань Ди! – Он сделал паузу, сурово окинул взглядом притихших соратников. – До конца своей жизни быть вашей рукой, бороться с несправедливостью, охранять традиции предков и чтить наших Богов, карать чиновников и тех, кто не оказывает должного внимания и почтения к старшим, кто оскорбляет Духов предков. В знак этой клятвы! Я! Повязываю на голову эту красную повязку, как символ гнева Неба!

Толпа восторженно заревела. Присутствующие на площади ихэтуани по очереди потянулись к жертвенному чану. Подражая вожаку, они окунали руки в кровь, омывали ею стопы деревянного кумира и с криком «клянусь» подходили к жрецу за красной повязкой.

На четвёртую ночь восстания командир германского отряда скрытно вывел своих солдат за пределы блокады и скорым маршем повёл их к столице провинции. Исчезновение германцев обнаружилось только утром. Вождь ихэтуаней был в ярости и отправил погоню, но догнать беглецов не удалось.

Тем временем волнения перекинулись на соседние поселения, поглощая не только деревни и посёлки, но и небольшие города.

Китайские гарнизоны на самостоятельные действия против бунтовщиков не решались, ожидая команды из Пекина.

Зато отличился кайзеровский посланник барон Кеттелер. Не дожидаясь согласия китайского правительства, он отдал приказ о переброске германского военного контингента во взбунтовавшиеся провинции.

Правительство Китая возмутилось бесцеремонностью Германии, но противиться не посмело. И в Шаньдуне началась карательная операция, цинично названная германским бароном профилактикой.

Германские солдаты подкованным сапогом прошли по арендованной территории. Кровавые экзекуции, расстрелы, грабёж и издевательства над населением на фоне полного бездействия китайских властей стали последней каплей в переполненной чаше ненависти к иностранцам.

Терпение народа лопнуло. Китай, так долго молчавший и покорявшийся, перестал быть мёртвым телом...

Народное восстание, вспыхнув в небольшом китайском городке, стало распространяться со скоростью лесного пожара, и скоро, вместе с Шаньдуном, полыхнуло в соседней провинции Чжили. Разрушалось всё некитайское: телеграфные столбы, железнодорожные пути и станции,

иностранные учреждения и жилища их владельцев. Священники и купцы подвергались надругательствам, грабежам и убийствам. Всех пойманных христиан зверски казнили. Восстание снежным комом катилось к столице Поднебесной.

Глава 14

Великая вдовствующая императрица, сосредоточившая в своих руках всю верховную власть в Поднебесной, задумчиво прогуливалась по вечнозелёному саду императорского дворца. Она любила этот тисовый парк. Огромные стволы реликтовых деревьев безмолвными часовыми выстроились вдоль бесконечно длинных дорожек, отсыпанных крошкой мелко дроблёного красного гранита.

Вдохнув хвойный аромат, источаемый могучими тисами, Ци Си вернулась к своим размышлениям.

Сегодня от бунтовщиков приезжали переговорщики. Ещё неделю назад она приказала бы их колесовать, но сегодня... Сегодня у стен столицы её империи стояла сотысячная армия озлобленных оборванцев. Поэтому она не только приняла их вожаков, но и вынуждена была поощрительно улыбаться, особенно, когда бунтовщики гневно высказывались в отношении иноземцев.

История, связанная с какой-то там девчонкой в городке Юй, её совершенно не заботила. Но вот то, что убийцей девчонки оказался германский миссионер, для её планов подходило как нельзя лучше. Заурядная криминальная история получала совершенно другую окраску. Если раньше основным лозунгом бунтующих ихэтуаней было свержение правящей династии, то после этой встречи акцент требований восставших сместился. Поддержанная императрицей негодующая толпа бунтовщиков направила свою ярость на иностранных миссионеров и коммерсантов.

Ци Си поддержала возмущение народа и разразилась гневной речью, в которой клеймила иноземцев, попрание китайских традиций, оскорбление древних Богов и Духов.

– Изгнание из Китая всех чужестранцев – истинная цель, к которой должен стремиться каждый сын Поднебесной! – с горящим взором обратилась она к вожакам восставших. – Я объявляю войну всему иноземному! Пусть каждый приложит все усилия, чтобы защитить свой дом и могилы предков от грязных рук чужеземцев! Донесите эти слова до каждого в наших владениях!

Вожди ихэтуаней, пришедшие к ней с требованием отречения от власти, опешили. Оказалось, что их императрица не только горячо разделяет их негодование и ненависть ко всему иностранному, но и готова поддержать восставших. Прямо при переговорщиках она подписала указ правительственным войскам выступить на стороне восставших. Ихэтуани, очарованные харизмой богдыханши ²⁴, почтительно удалились.

Ци Си самодовольно ухмыльнулась.

Я уже тридцать пять лет правлю Поднебесной, пережила трёх императоров, подавила несколько заговоров, а какие-то оборванцы хотели меня взять на испуг. Поживите с моё, а там поглядим.

Её мысли переключились на попавшего в немилость последнего правителя Поднебесной. Ну чего ему не хватало? Молодость, любимая жена, наложницы, власть. Так нет! Реформы ему подавай! Заговор против меня решил устроить! Гадёныш! Я его на трон посадила, а он, неблагодарный... Что за молодёжь пошла? Привыкли на всё готовое, а чуть что не так – в кусты! Это мне всего пришлось добиваться самой...

Она вспомнила, как её, семнадцатилетнюю девчонку, повезли на императорские смотрины, которые были обязаны проходить все девушки из древних родов, без исключения.

²⁴ Богдыханша – один из царственных титулов Ци Си. Поскольку предки маньчжурских правителей Поднебесной были потомками чжурчженей, а те имели монгольские корни, то императрицу Ци Си часто называли богдыханшей. Богдыхан в переводе с монгольского – священный государь.

Родители Ци Си хоть и были знатны, но не входили в первую сотню дворян империи, а желая ей личного счастья, не стремились отдавать дочь в наложницы императору.

Желание любыми путями приблизиться к владыке Поднебесной вело к тому, что задолго до начала самого конкурса между семьями сановников, у которых дочери достигали требуемого возраста, затевались нешуточные баталии и интриги. Семья Ци Си в этом участия не принимала и была удивлена выбором императорского евнуха. Но получилось то, что получилось, и, вытирая слёзы, она переехала в запретный город.

Поняв, что девичьи грёзы – «выйти замуж по любви» – остались несбыточными мечтами, Ци Си решила устраивать свою судьбу исходя из сложившихся обстоятельств.

Для начала она решила изменить свой статус среди других наложниц. При зачислении в гарем она получила самый низкий пятый ранг – гуйжень. И звали её теперь не Ци Си, а только родовым именем Ехэнара. Вроде и верно, но в частом употреблении звучало как кличка ²⁵.

Наложницам платили жалование, которое они могли тратить по своему усмотрению. Одни отправляли его родным, другие покупали украшения и наряды, некоторые нанимали себе дополнительную прислугу или даже снимали в гареме отдельные апартаменты. На эти деньги можно было приглашать всевозможных учителей. Жалованье было приличным даже у наложниц самого низшего ранга, к тому же у них было достаточно свободного времени. В их распоряжении были всевозможные массажи, бани, парикмахеры и обширная библиотека.

А Ехэнара решила повысить уровень знаний в эротической сфере. Перелистав в гаремной библиотеке огромное количество репродукций и изданий на эту тему, она случайно наткнулась на перевод книги французского дворянина маркиза де Сада. Книга датировалась прошлым веком и называлась «Философия в будуаре, или Безнравственные учителя» ²⁶. Из сочинения маркиза она узнала столько фривольного, что даже от чтения книги краснела от неловкости. Проштудировав произведение французского шалуна несколько раз, она решила при первой же встрече с императором закрепить, так сказать, материал.

Вторым своим козырем она решила сделать Конфуция, точнее, его философию. Зная о пристрастии императора Сяньфэна к трактатам древнего китайского философа, она углубилась в изучение вопроса.

Надо отметить, что само учение действительно было не только интересным, но и поучительным, на его принципах строилась вся система управления империей.

Ци Си вдруг поняла, чем она может отличаться от других наложниц, которых, в принципе, кроме подготовки себя к удовлетворению похоти императора, ничего не занимало.

Попавшие в наложницы девушки понимали, что теперь это их судьба, и выход из Запретного Города возможен только вверх, то есть в Высокое Синее Небо, как иносказательно называли во дворце уход к предкам, поэтому девушки старались жить исключительно в своё удовольствие. Но при этом каждая хотела понравиться императору. Добиться его расположения означало повысить свой статус среди других наложниц, а для этого мало быть просто умницей и красавицей. Век наложницы недолог, появляются более молодые и симпатичные. Так что конкуренции хватало.

Ехэнара, изучив работы Конфуция от корки до корки, начала готовить себя к встрече с повелителем.

В тот вечер она провела «разведку боем», пытаясь разобраться в сексуальных предпочтениях императора. Оказалось, что он не очень избалован и предпочитает пользоваться наложниц

²⁵ Родовое имя в Китае соответствовало фамилии. Обращение к девушке только по фамилии во все времена считалось пренебрежением, а в некоторых случаях могло рассматриваться и как оскорбление.

²⁶ Маркиз де Сад (Донасьен Альфонс Франсуа де Сад, 1740–1814) – одна из самых скандальных персон в мировой истории; французский аристократ, политик, писатель и философ. Произведение «Философия в будуаре, или Безнравственные учителя» было написано им в конце восемнадцатого века.

в миссионерской позе. Отстояв на четвереньках «прелюдию», она дождалась, когда притомившийся Сяньфэн откинется на перине, и подползла к нему.

Ци Си хихикнула, вспомнив выражение лица Сяньфэна, когда она целиком заглотила его достоинство. Он боялся шевельнуться, опасаясь, что нечаянно может стать евнухом, а может, просто не хотел испугнуть неожиданный сюрприз. В общем, она оторвалась «на всю катушку». Де Сад гордился бы своей почитательницей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.